

Владимир Бабенко

Тень в тени трона Графиня

16+

· Фэнтези · Приключения · Интриги ·

Владимир Бабенко

Тень в тени трона. Графиня

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Бабенко В. А.

Тень в тени трона. Графиня / В. А. Бабенко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Начало семнадцатого века. В руки дочери князя Турчинова попадает медальон, владеть которым могут только избранные. Обладая даром от рождения и получив силу медальона, Даше предстоит стать первой среди равных, но хочет ли она этого? Неужели это ее судьба? Она сама этого еще не знает, но интриги уже плетутся и смертельно опасные игры уже втягивают ее в водоворот событий.

Содержание

Пролог, который мог бы стать и эпилогом	5
Глава первая	8
Глава вторая	13
Глава третья	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Персонажи вымышлены от начала и до конца.

Посвящается моей жене ОЛЬГЕ.

Пролог, который мог бы стать и эпилогом

В 2016 году я впервые побывал в Москве. Раньше приехать просто не было возможности. А тут все так удачно сложилось – целый свободный день: иди куда хочешь, делай что душа пожелает, ценных указаний слушать не нужно, сумки таскать не нужно, по магазинам с женой ходить необходимости нет. Телефон отключен. Я недоступен.

«Побывать в Москве и не побывать на Красной площади – это, конечно, нонсенс», – резонно решил я и направился к «сердцу столицы», сначала на метро, а потом пешком. Красотища. Солнце светит, ветерок, не жарко, не то что у нас, в Краснодаре.

Начав осмотр с Александровского сада, я не спеша двигался вдоль Кремлевской стены, стараясь ничего не пропускать. Времени было много, впечатлений мало. Нужно было исправлять возникший дисбаланс.

Подойдя к Царь-пушке, почувствовал, что ноги уже немного гудят, с непривычки.

«Все по кабинетам да из машины в машину, так и ходить совсем разучишься, жирком заплывать начнешь», – ехидно заметил внутренний голос и был прав.

Пристроившись к экскурсионной группе, я подошел к Царь-колоколу.

По профессии я инженер-механик. В свое время в Краснодарском политехе нас учили основательно, и металловедение я знал вполне профессионально. К тому же по окончании института мне пришлось работать на Компрессорном заводе, и литейное производство пришлось изучать уже по технологическим картам и плавкам. Так что посмотреть на чудо литейного производства века восемнадцатого было интересно.

Рядом с Царь-колоколом наличествует осколок, который отломился от него и аккуратно был прислонен рядышком с постаментом. На отколовшейся части отчетливо видна структура металла во всех подробностях, а это открытая книга для специалиста.

Могу прямо сказать, что металлурги в восемнадцатом веке были никудышные, брак лили явный: раковины, шлак, рыхлость структуры, пористость металла, и это только невооруженным глазом. В общем, ОКТ хватил бы удар сразу. А вот модельчики были хорошие, что есть, то есть. Но то, что очевидно для инженера-практика, не видно обычным гражданам. В общем, настроение упало, проснулись профессиональные инстинкты.

«Тоже мне эрудит. Ты еще не видел структуры Царь-пушки», – поспешил меня успокоить голос, который внутри.

«Издеваешься, гад».

Экскурсовод – приятная молодая женщина, уводила группу дальше по маршруту. Я отстал, решив немного отдохнуть и сделать пару снимков на память.

Подошла очередная группа, и новый экскурсовод принялась рассказывать уже слышанную мной историю про литейщиков Моториных.

У женщины, проводившей экскурсию, чувствовался талант рассказчика, и еще ее мелодичный кубанский говор приятно напомнил мне о родном городе. Слушая наши родные обороты – твердое гэкание и мягкое шокание, я буквально млел от счастья.

У нас в Краснодаре говорят по-особому – это и не русский, и не украинский, это уникальный кубанский язык: мягкий на слух, колоритный. Научиться ему невозможно, дается только при рождении и на всю жизнь. Правда, в речи женщины московский говор тоже присутствовал, но то, что экскурсовод моя землячка, я был уверен на «все сто».

Экскурсия продолжалась. Граждане задавали вопросы – экскурсовод отвечала, и по ответам чувствовались глубокие и основательные знания излагаемого предмета.

Мне стало интересно, и я решил пройти с этой группой весь маршрут. Вопросы следовали один за другим. Кто-то задавал из любопытства, кто-то чтобы показать свою ученость. Я сам хотел задать, что-нибудь по металлургии, но раздумал.

«Чего выпячиваться, будь скромнее и к тебе люди потянутся», – эту мудрость еще никто не отменял.

– А что это за тетя? – последовал очередной вопрос.

Девочка лет шести показывала на колокол, смешно вытянув указательный пальчик.

– Это самодержавная императрица Анна Иоанновна, дочь царя Ивана V, брата и соправителя царя Петра I, – с улыбкой, но вполне грамотно и подробно ответила экскурсовод.

– Она правила нашей страной? – продолжала умничать малышка.

– Даша, не отвлекай тетю! – с улыбкой, присущей только любящим мамашам, прошептала упитанная женщина небольшого роста. – Конечно, она правила, решала все вопросы и всеми руководила, как твой папа.

«Ну, надеюсь, это не дочка нашего президента!» – подумал с улыбкой я, и по ухмыляющимся физиономиям окружающих можно было с уверенностью сказать, что я был не одинок в этом убеждении.

Экскурсовод хотела продолжить экскурсию и перейти к другому объекту, но передумала, обернулась, еще раз внимательно посмотрела на девочку и ответила:

– Нет, малышка, она не правила и ничего не решала, она просто царствовала.

– А кто правил? Кто? – не унималось любопытное дитя.

– А действительно кто? – народ заинтересовался, мне самому стало интересно. Скука исчезла в момент.

«Интриганка! А ведь она интриганка, в хорошем смысле этого слова, так заинтересовать народ. Нет, у женщины определенно талант, жаль, что начальство это не всегда ценит», – с сожалением подумал я, а может, и не один я.

Экскурсовод прекрасно понимала, что ей удалось заинтересовать группу. Выдержав паузу, продолжила, обращаясь к девочке:

– Решения, Дашенька, принимал совсем другой человек, и здесь, – женщина рукой указывала на бок колокола, на котором была запечатлена императрица всея Руси, – в этом самом месте, – уточнила экскурсовод, загадочно улыбаясь, чертики так и плясали в ее темных глазах, – его нет!

Экскурсия становилась интересной, завораживала своей таинственностью.

– А все же, где находится истинный правитель? – поинтересовался седовласый господин в новомодном костюме, с галстуком-бабочкой на шее.

– Правитель находится там, – и экскурсовод кивком головы указала на противоположную сторону колокола, находящуюся в тени.

– Но здесь ничего нет! – послышались удивленные голоса тех, кто успел осмотреть колокол со всех сторон.

– В этом нет ничего удивительного – тот, кто правит и управляет, всегда в тени. Тень в тени трона! – торжественно заявила интриганка. – Но это уже совсем другая история, и к нашей экскурсии она не относится. Пройдемте дальше.

Экскурсовод решительно двинулась по маршруту, увлекая за собой группу. Я остался и внимательно осмотрел теньевую часть поверхности колокола. Рядом со мной никого не было. По мере того как я вглядывался в шероховатую поверхность, находящуюся в тени, из нее медленно, не спеша, все более отчетливо стали проступать очертания человека: такая же гордая, царственная осанка, пронзительный взгляд, высокая грудь, приятные, радующие глаз очертания лица. Образ становился все отчетливее и четче, мне показалось, что это была женщина. Я

продолжал напряженно всматриваться в поверхность колокола, но это длилось всего несколько мгновений. Солнце повернулось, и тень исчезла вместе с тем, кто был в ее объятиях.

Глава первая

Все только начинается

У резиденции Его Высокопреосвященства кардинала и первого министра Франции остановился всадник на арабском скакуне, слегка заляпанном дорожной грязью. Ничего примечательного в его одеянии не было, внимания к себе он не привлек и не стремился к этому. На входе в резиденцию, предъявив перстень, который был снят с безымянного пальца левой руки, незнакомец без лишних разговоров и расспросов был пропущен внутрь. Лошадь приехавшего господина была препровождена в конюшню, где ею не мешкая занялись с заботой и вниманием.

Пройдя в кабинет кардинала, незнакомец, предварительно удостоверившись, что перед ним именно тот, к кому он был направлен, достал из внутреннего кармана кафтана запечатанный сургучом пакет и вручил его в руки Его Высокопреосвященства.

Оттиск печати на пакете был идентичен оттиску, изображенному на перстне, предъявленном гонцом.

Получив послание, кардинал расписался на пергаменте, врученном ему тем же человеком, и приложил свою личную печать.

Миссия посланника была выполнена. Во дворе его уже ждал арабский жеребец, вычищенный, накормленный и обихожженный.

Оставшись один, кардинал вскрыл послание и, усевшись в кресло, углубился в чтение. Текст был краток и содержал следующее:

Граф!

По получении этого послания, незамедлительно обеспечьте все необходимое для беспрепятственного и безопасного прибытия наместника Нового Света в Севилью. Отправление из порта Картахены – первая половина июня этого года.

Председатель.

Послание было конкретным и недвусмысленным и требовало неукоснительного выполнения. Если бы кто-то мог видеть кардинала в этот момент, то он бы даже не сомневался, что все, что в его силах, для выполнения полученного предписания будет сделано. Шутки с Тайным Советом были неуместны и опасны.

«Были уже, знаете ли, прецеденты. Своя шкура, она всегда ближе к телу, и лучше содрать чужую, а если потребуется, и не одну – кто их считать-то будет, – чем сдерут шкуру с тебя любимого. Так вот», – мысли истинного правителя Франции были понятны и предсказуемы.

Такие же послания были получены еще в одиннадцати странах Европы людьми, стоящими на самом вершине власти, рядом с правителями, но не выпячивающими себя и свое присутствие. О них и их истинном значении мало кто знал. А те немногие, кто стремился узнать истину, долго не задерживались на этом блистающем свете.

«Серый кардинал», скрывающийся в тени трона, – вот их роль. Кукловоды, находящиеся за ширмой, не видимые для окружающих и дергающие за веревочки в театре марионеток, где на сцене пляшут короли, монархи, султаны, губернаторы и прочие, прочие, прочие, включая нас с вами.

Можно подумать, что что-то изменилось под луной? С какого переполоха? Все как всегда!

* * *

По понедельникам вечером, ближе в шести часам, в кабинете начальника службы, отвечающей за безопасность острова Кюрасао, расположенном в южной части Карибского моря, собирался весь начальствующий состав охраны острова и проводились еженедельные оперативные совещания. Зачастую оперативки затягивались и могли закончиться и за полночь.

Совещания проводил лично Герд Нортон – личность весьма незаурядная. За глаза его называли «палачом», и, надо отдать должное, было за что. Палачом он, правда, не был, но народу передавал столько, что его именем матери пугали своих детишек. Связываться с помощником губернатора желающих, как правило, не находилось. Да оно и понятно, будучи племянником губернатора острова, он этим обстоятельством пользовался беззастенчиво, а искусством интриги владел в совершенстве.

«Мстительный, злопамятный мерзавец», – это было общее мнение всего островного сообщества. Его боялись и не уважали, шипели враги, а друзей у него вообще не было. «Палач» был не женат, женщины его, конечно, интересовали, но постоянной пассии не было. О размере его состояния точно никто не знал, но судя по дому, в котором он проживал и который иногда посещали редкие субъекты, как мужского, так и женского пола, он был весьма состоятельным джентльменом.

А больше всего на свете он ценил свою «команду» – людей, с которыми работал и готов был для них практически на все, и ему отвечали тем же. Денег для «своих» он не жалел, будучи убежден, что люди должны достойно получать за свой труд и быть уверены, что их в любом случае, что бы ни случилось: не бросят, помогут им и их семьям, детей вырастят, пристроят к делу, без куска хлеба не оставят. Это ценили и отвечали взаимно.

Пираты, контрабандисты, бандиты, разнообразное ворье и душегубцы, негодяи всех цветов и оттенков – с этим людским материалом, а точнее отбросами общества, приходилось работать ему и его команде.

В меру своих сил и способностей им приходилось очищать остров: давить и изничтожать негодяев, по мере сил и всеми доступными средствами. Перевоспитанию подобная мразь, как правило, не поддавалась, хотя прецеденты были, и не раз. Это тоже было частью, той невидимой большинству людей, но такой необходимой работой «палача» и его людей.

Грязи, крови, презрения островного бомонда да и просто добропорядочных обывателей хватало за глаза – незавидная участь ассенизаторов, золотарей общества. Так что получить нож в спину где-то в подворотне было для его команды обычным делом.

Ошибки и просчеты анализировались всеми, учились на своих и чужих ошибках, учились, теряя друзей и накапливая бесценный опыт, превращаясь в уникальных специалистов, которыми по праву могла гордиться любая из существующих тайных служб.

Сразу после начала оперативного совещания в кабинет Герда вошел губернатор острова, невысокий, под шестьдесят лет, с круглым лицом и густыми короткими, уже наполовину поседевшими волосами.

– Господа! Я прошу меня извинить, у меня срочное дело, – обратился он ко всем присутствующим.

– Настолько срочное, что нам нужно все бросить и заниматься только им?! – с трудно скрываемым раздражением поинтересовался хозяин кабинета.

– Герд, я прошу.

– Ваше превосходительство, я извиняюсь. Господа! – изрек хозяин кабинета, обращаясь ко всем присутствующим субъектам, которые, кстати, даже и не подумали выполнять просьбу губернатора. – Завтра вечером я жду всех вас здесь же. А сейчас прошу оставить нас одних.

Дважды повторять просьбу не понадобилось, все понимали, что губернатор по пустякам не станет врываться на совещание, на которое имел доступ только самый ближний круг, обремененный особым доверием главного «цербера» острова.

Собравшиеся в кабинете действительно реально обеспечивали спокойствие и безопасность на острове, и мешать им в этом нелегком деле было неразумно, это понимали все – значит, случилось что-то важное, и, скорее всего, этим делом придется им же и заниматься или кому-то из них.

Герд Нортона был не только начальником службы безопасности острова, он был для губернатора фактически первым и самым доверенным помощником, а еще он был его племянником – сыном умершего брата.

Двенадцать лет назад Габриэль Нортона, став губернатором этого маленького, Богом забытого острова, вызвал к себе убеленного сединой и покрытого шрамами чиновника, отвечающего за безопасность Кюрасао. Представил ему своего племянника – молодого человека, фактически мальчишку семнадцати лет от роду – и попросил сделать из «щенка» достойную себе самому замену, конечно не бескорыстно. Как это ни покажется странным, но старый «волчара» сразу почуял в молодом «щенке» волкодава и вскоре они стали друзьями-единомышленниками.

Герд учился не за страх, а по совести, впитывая знания как губка. И уже на третий год пребывания в качестве помощника губернатора уверенно сосредоточил в своих руках всю полноту власти.

«Щенок» вырос и стал достойным своего учителя, а зачастую и превосходящим его, учитывая молодость, азарт, профессиональную наглость и близость к первому лицу острова. Его стали бояться и организовали пару покушений, в результате которых десяток «охотников» переселились их теплых кроватей в подвалы канцелярии тайных дел. В ужасе и смраде подземелья, после милой беседы с палачами, людьми угрюмыми и шуток решительно не понимающими, к тому же в присутствии самого «щенка», заговорщики были повешены на городской площади.

Мальчишка превратился в «палача». Прозвище прицепилось, как репей. Герда боялись и уважали, садистом он не был – просто работа такая.

Оставшись один на один с губернатором, Герд позвонил в маленький серебряный колокольчик, стоявший на краю стола.

– Меня ни для кого нет, закрой дверь и никого не пускай.

Секретарь понятливо кивнул и поспешно закрыл за собой тяжелую дубовую дверь, не пропускающую ни единого звука.

Усевшись на свободный стул, его превосходительство – губернатор острова поспешно открыл папку, которую держал в руках. Достал лист плотной бумаги, увенчанной большой гербовой печатью, и положил перед племянником.

– Что это? – Герд продолжал сидеть в своем кресле во главе стола.

– Я получил сегодня в полдень, курьером, лично в руки. Да и ты прочти.

Герд не спеша читал, запоминая каждое слово. Память у него была феноменальная, мог запомнить не меньше десяти страниц текста с одного прочтения.

Эти письма ему уже были знакомы. Требовалось только подождать, когда губернатор получит такое же официальным порядком и придет к нему. Если гора не идет к Магомеду, то Магомед сам побежит к горе. Вот и дождался.

– Ваше превосходительство, я уже читал это письмо.

– Герд! Давай без чинов, мы одни. Ты сын моего брата, ближе у меня никого нет.

– Дядя, такие письма получены всеми губернаторами Карибского моря, и это распоряжение королевских дворов Европы, включая Папу. Вот только непонятно, кто им дал это распоряжение.

– Ты хочешь сказать, что наше правительство в Амстердаме и королевские дворы Англии, Франции, Испании и Ватикан могли объединиться только для того, чтобы какой-то кардинал, пусть даже он и примас Нового Света, благополучно добрался до Севильи?

Такая забота была явно не по чину. Что-то здесь было не так, неправильно.

«Ну что, в сущности, за проблема? Не нападать самим и не позволить напасть другим на галеон, перевозящий испанского примаса в Севилью. Тоже мне шишка. Это он для испанцев в колониях почти Папа, а для всех остальных всего лишь священник, пусть и не рядовой», – по усмешке Герда Габриэль понял, что эта нехитрая мысль пришла в голову им обоим.

«А что тут необычного? Обычное дело: святой престол лопатой гребет золото и пиастры в колониях, об этом знают все. Галеоны, перевозящие “нажитое непосильным трудом”, конечно, грабят, и не только пираты, заставляя делиться. Кошке понятно, что это не нравится испанскому королю и Папе. А кому, скажите на милость, это понравится?! Вот и решили загрузить побольше золотишка и под присмотром кардинала переправить на континент».

Это, конечно, сказано не было, но оба прекрасно поняли друг друга.

– Кстати, Герд, у тебя есть информация о предстоящем путешествии кардинала?

– Конечно, есть. По моим данным, а из Картахены я получаю сведения регулярно, вместе с кардиналом на борт галеона будет загружено золото и серебро в слитках, доставленное из Панамы. Примерно на два с половиной миллиона реалов, и девятьсот пятьдесят тысяч песо в монетах мексиканской чеканки в десяти сундуках. Это основной груз. Загрузившись в Картахене, галеон сделает переход в Пуэрто-Рико с заходом в порт Сан-Хуан. Затем, пополнив припасы, в сопровождении шестидесятипушечного военного галеона из эскадры Франциско де Мендоса, направится к берегам Испании.

– Название галеона – «Санта Тереза». Это следует из полученной депеши. Хорошо – это я знаю. А что я не знаю? А я не знаю, что это за галеон, его вооружение, численность экипажа и количество солдат. А еще мне бы хотелось знать время выхода и его маршрут, желательно точный, ну если таковой вообще будет.

– Ну, по моим сведениям, – Герд достал небольшой лист бумаги желтоватого цвета и положил на стол перед губернатором, – это трехмачтовый галеон, построенный пять лет назад на военно-морской верфи в Гаване. Кстати, из мексиканского красного дерева. Полгода назад там же провели его кренгование, так что дюжина узлов при попутном ветре для него не проблема. Тридцать пушек, девяносто человек экипаж, сотня солдат охраны. В Сан-Хуане количество солдат увеличат до полутора сотен.

– М-да, внушает уважение, такой сам кого хочешь обидит. А что известно о кардинале?

– Не просто кардинал, а Его Высокопреосвященство кардинал-архиепископ – примас Новой Испании. Примерно лет семьдесят, может больше, невысокого роста, крепкого телосложения. Помирать в ближайшее время не собирается. В Новом Свете уже одиннадцать лет, умен, коварен, беспощаден, хитер, любит интриговать, жаден до денег и золота, до назначения в Новую Испанию шесть лет был помощником Великого инквизитора Испании. А еще у меня есть его портрет, – Герд не без гордости достал из своей папки очередной лист бумаги и протянул губернатору.

– Интересно, откуда он у тебя. Примас позировал перед твоими шпионами? – съехидничал губернатор, беря в руки протянутый листок.

– Да нет, кардинал честолюбив и любит заказывать свои портреты. Кстати, портрет сделан без малого четверть века назад. А это черновой эскиз эпического полотна. Мне пришлось выложить за него приличную сумму. Эскизы нынче дороги. Но для дела не жалко.

Губернатор взял эскиз. Хватило и пары секунд, чтобы гримаса удивления, бывшая на лице губернатора, сменилась презрением и желанием разорвать и сам портрет, и того, кто на нем был изображен.

– Но ведь это дон Хуан де ла Фуэнте. Я знаю этого испанского негодяя, – губернатор зло бросил эскиз на стол.

– Дядя Габриэль! Мы оба его знаем. Просто вы не рассказывали мне эту историю так, как ее видите вы. Как ее видят остальные, я уже в курсе – служба такая, знаете ли. Отсутствуют некоторые фрагменты, картинка не складывается, и мне бы хотелось услышать вашу версию тех событий.

– Да, не рассказывал, – согласился губернатор, – и правильно делал. Тебе не стоило влезать в это дело. Слишком опасно. Можно сгореть, быстро и качественно.

– А может быть, сейчас пришло время и шанс поквитаться. Я не настаиваю, – Герд поднял правую руку, давая понять, что он не давит на дядю – решение за ним.

Губернатор молчал. Прошло двенадцать лет, как они покинули родной Амстердам, спасая свои жизни и потеряв близких им обоим людей.

Опасность отступила, и стоит ли опять бросаться в пропасть – он не знал. Но они поклялись отомстить за тех, кто их любил, и кого любили они. Видно, пришло время платить по счетам.

– Хорошо, я расскажу. Слушай – верить или нет, решать тебе. Рассказ будет долгим. А после – решим, что делать и стоит ли делать что-нибудь вообще.

Исповедь Габриэля сыграла ключевую роль во всей этой истории.

«Что же произошло?» – спросите вы. И вопрос будет более чем уместен. А произошел ряд событий, о которых следует рассказать.

Так что оставим на время дядю с племянником на острове Кюрасао и переместимся в Амстердам, за двенадцать лет до описанных выше событий.

Глава вторая

Жадность, предательство и интриги

Верфи вблизи Амстердама основал Ханс Нортон – отец Артура и Габриэля, двух юношей, ничем особо не отличавшихся от своих сверстников. Купив заброшенную, разоренную, никому не нужную верфь, он за двадцать лет стал из простого корабельного плотника одним из лучших корабелов Соединенных Провинций Нидерландов.

Талант и удача, а еще труд и умение сплотить вокруг себя людей, создать свою команду единомышленников, помешанную на кораблях, каждодневный труд и желание отдать всего себя делу – вот разгадка его успеха.

Каждый новый корабль был лучше предыдущего, и это сразу оценили торговцы и моряки. Корабль – это и дом, и крепость в океане, среди бурь, штормов и штилей. Старина Нортон просто нюхом чуял, кого и куда нужно поставить, кому что можно поручить. На ощупь и глаз мог без ошибки определить качество древесины: здесь не досушили, там не додержали, это можно использовать, а это ни на что не годится. Торговцы лесом быстро поняли, что «шутки» с материалами и оснасткой на этой верфи не пройдут, и везли только то, что действительно нужно было для дела, и только лучшего качества, плутни не проходили, дерьмо впарить не получилось, хотя поперву и пытались.

Платил он честно и в срок, не забывая, конечно, и о своей выгоде. Точно мог определить, что пойдет для остойчивости корабля, что для скорости. Смотря на чертеж, мог на ходу предложить новшество, которого не было на других верфях. Потом, уже по прошествии времени, это копировалось мастерами на других верфях.

А еще он ценил своих мастеров, готов был ради них горы свернуть, даже если потребуются нарушить закон. Парочку, если не более, подлецов даже по-тихому утопили в городских каналах, на неглубоком месте. А что тут такого, рыбам тоже кушать хочется, а без мерзавцев, которые портят хорошим людям жизнь, жить как-то становилась лучше и веселей. Люди ему отвечали тем же.

Дела шли в гору, сыновья учились на верфях – своими руками и головой, постигали науку корабелов. Слава о верфи Нортон была заслуженной. Заказы на корабли выполнялись в оговоренные сроки, к качеству судов претензий не было – за все время существования верфи ни одного некачественного корабля. Дорого! Но море – лучший проверяющий, и корабли с честью выдерживали любые, даже самые жестокие испытания океаном. Верфь становилась популярной и пользовалась заслуженной славой.

Через двадцать лет после покупки верфи «старик», как его часто называли за глаза, отошел от дел и вскоре тихо скончался в кругу семьи, окруженный заботой и вниманием.

Управление верфью перешло к его старшему сыну – Артуру. Габриэль – младший из братьев, стал его правой рукой. Артур стал достойным наследником и продолжателем дела отца.

Талант корабела и администратора – это у него было не отнять. У Габриэля такого не было, но зато он неплохо справлялся с бухгалтерией и поднаторел на этом поприще не хуже чиновников из городской управы. Кстати, умение налаживать знакомства с нужными людьми у Нортонов было в крови. Братья были обеспечены материально, уважаемы в обществе и вполне счастливы.

Все изменилось с того дня, когда на верфи появился дон Хуан, в сопровождении охраны из полдюжины монахов в белых шерстяных одеяниях и черных мантиях с капюшонами, говорящими о принадлежности к ордену святого Доминика.

Сам дон Хуан для обоих братьев был интересен уже тем, что им еще ни разу не приходилось общаться с испанскими священниками столь высокого ранга. Кардинал, будучи помощником Великого инквизитора, занимался хозяйственными делами, надзирал за казной и, по слухам, весьма преуспел в обогащении Святого Престола, не забывая и о себе любимом. Состояние его было огромно, жадность была еще больше.

На вид это был мужчина примерно лет семидесяти, с живым подвижным лицом и неподвижными серыми глазами, в которых сквозило презрение и высокомерное спокойствие. Облачен он был с ног до головы в красную мантию. Небольшая естественная лысина, окруженная седыми волосами, служила своеобразной тонзурой и покрывалась алой кардинальской шапочкой. На руках Его Высокопреосвященства были красные перчатки с обязательным епископским сапфиром на безымянном пальце правой руки.

На фоне красной сутаны выделялся белый, тонкого плетения воротник, на груди поблескивал золотой крест, рядом с крестом на простом темном шнурке висел голубой лунный камень в платиновой оправе.

Опытный ювелир, знающий себе цену, мог бы без труда определить, что голубой минерал медальона был из Южной Индии, крайне редкий, хотя особой ценности и не представляющий, но суеверий и мистики вокруг лунного камня было много. Как выяснилось позже, уже в ходе беседы за обеденным столом, этот медальон действительно являлся «амулетом-хранителем» и кардинал с ним никогда не расстанется, что, конечно, являлось нарушением этикета, но на амулет было разрешение самого Папы и короля Испании, если верить слову дон Хуана.

Появление кардинала на верфи было сугубо деловым. Испания нуждалась в галеонах для транспортировки товаров между Севильей и колониями Нового Света.

Корабли, которые строились на верфях Гаваны, были дороги из-за дорогого материала – красного дерева, добываемого в Мексике. Галеоны, построенные на верфи братьев Нортон, уступая в качестве материала, были значительно дешевле гаванских и строились вдвое быстрее. По мореходности голландские корабли были, по оценке капитанов, значительно лучше и удобней в управлении.

Испанская корона, а точнее испанская церковь в лице дон Хуана де ла Фуэнте, хотела сделать заказ на пять сорокапушечных трехмачтовых галеонов для транспортировки грузов, и в то же время могущих достойно защитить себя и груз от разного рода негодяев, промышленлявших на просторах океана.

Сотрудничество с испанцами сулило хорошие прибыли и перспективу. Сомнения вызывала лишь финансовая сторона сделки. Испанцы вносили оплату только за два корабля, за остальные три обещали оплатить лишь по окончании строительства и сдачи заказчику. Обе стороны не были настроены потерять свои барыши, и поэтому торговались весь день с перерывом на обед. К ужину сошлись на том, что Святая Церковь в лице дон Хуана выдаст кредит на постройку трех кораблей под оговоренный процент, который будет погашен при сдаче кораблей. Нортон, конечно, получали несколько меньше, чем им бы хотелось, но зато работой были загружены на ближайший год и получали хорошую перспективу продолжения сотрудничества с богатым клиентом.

На следующий день, подписав договор и оформив все бумаги на кредит, обе договаривающиеся стороны расстались, довольные друг другом, оговорив порядок, сроки сдачи и контроля над строительством заказанных галеонов.

Через полгода, когда началась зашивка бортов, а мачты были готовы для установки, неожиданно случился пожар. Три галеона, наполовину построенные, сгорели, остальные удалось спасти. Сгорели и складские помещения, в которых хранился лесоматериал для постройки.

На следующий день на верфь явился дон Хуан со своими монахами. Осмотрев последствия пожара, он заявил, что заказ в срок не будет выполнен, и потребовал возврата кредита. Предстояли переговоры.

* * *

Как обычно в конце февраля, перед наступлением Великого поста в магистрате Амстердама устраивали карнавал. Приглашались почтенные горожане с женами и детьми. Идти бра- тьям не хотелось, было не до праздника, но на таких мероприятиях можно было поговорить за кружкой пива с нужным человеком, завести полезные знакомства, да и вообще просто отдохнуть, что тоже было немало в их положении.

Артур с братом пришли одни. Эмми – жена Габриэля, будучи беременной, осталась дома. Карнавал шумел по всему городу, пиво было доступным и недорогим, женщины были веселы и тоже доступны, и этим пользовались все, кто хотел и имел возможность. Праздник удался на славу. В магистрате тоже было весело, мужчины чинно сидели за столами и попивали пиво, женщины вертелись рядом, сплетничали, молодежь танцевала под музыку оркестра, расположившегося на балконе. В такой день старались не говорить о делах, но о чем тогда говорить почтенным людям, если пиво еще недостаточно ударило в голову, а жена крутится рядом?

Все шло, как всегда, Артур встретился с нужными ему людьми из магистрата, по поводу испанского заказа, и было видно, что ему пообещали поддержку, не бескорыстно, конечно, но лучше пожертвовать малым, чем потерять все. Габриэль вел весьма полезную беседу с одним из судовладельцев об особенностях перевозки коров, свиней, рабов и прочей скотины. Намечался заказ на постройку торгового судна, как раз для этих целей.

Возле Артура уже несколько раз прошла весьма приятная во всех отношениях женщина, и не просто прошла, а сделала все, чтобы ее маневры не остались незамеченными. Чертовка была соблазнительна и сама шла в руки. Артур, будучи не женат, мог себе позволить приударить за женщиной, тем более когда сама она не против. Мужчина был молод, красив, богат, да и пиво туманило мозги и активизировало нужные части организма. Если представлялась возможность завалить в постель красотку, особенно в такой праздник, то это грехом не считалось, обществом не осуждалось, к этому относились с пониманием.

Женщины, бывшие время от времени в объятиях Артура, были им не разочарованы и материально вознаграждены. Приличия соблюдались строго и неукоснительно.

В общем, когда он в обнимку с дамочкой исчез за одной из многочисленных портьер, это не вызвало никакой реакции окружающих. Этим пользовались многие, особенно молодежь, ну а что тут такого неприличного, праздник же.

Прошло не так уж много времени, как за портьерой, куда исчезла парочка, раздался женский визг, что было необычно, но такое тоже встречалось.

«Неужели она девственница?! Везет же людям!» – легко было прочесть по физиономиям находящихся поблизости мужчин. Зависть присутствовала, осуждение – нет. По лицам женщин, обернувшихся на этот визг, явно читалось презрение к негодяйке, посмевавшей сохранить невинность, в ее-то возрасте.

За визгом послышался треск разрываемой материи. Это становилось интересным. Количество слушателей прибавилось.

«Какой мужчина! Какой темперамент, не то что мой тюфяк», – на лицах прислушивающихся женщин появилась ясно читаемая зависть к незнакомке, уже столь явно, что мужчинам, которым посчастливилось быть мужьями этих прелестниц, стало откровенно не по себе.

Новый визг и звук пощечины послышались почти одновременно, и на свет божий выско- чила растрепанная фурия.

Другими словами было трудно назвать женщину, представшую на обозрение почтенного общества, собравшегося в зале.

Волосы были разметаны по плечам, платье порвано спереди, роскошная грудь с розовыми сосками была выставлена на всеобщее обозрение, что вызвало возмущение у собравшихся женщин и восторг у мужчин, хотя и тщательно скрываемый. Правая щека была подозрительно красного цвета и уже начинала синеть.

Через мгновение из-за портьеры вышел Артур, вид у него был тоже не лучше. Поперек левой щеки пролегал пяток глубоких кровотокающих царапин, которые остаются от лапы дикой кошки или женской лапки, что ненамного лучше, кафтан был помят, пуговицы на рубашке частично отсутствовали, что говорило скорее о признаках борьбы, чем о любовных утехах. Немая сцена была прервана воплем фурии:

– Он пытался меня изнасиловать! – дамочка гневно указывала пальцем на Артура.

– И ему это удалось? – иронично улыбаясь, поинтересовался подошедший недавно, но сохранявший молчание чиновник магистрата, отвечающий за безопасность и порядок в городе.

– Нет! Я отстояла свою честь! – гордо заявила женщина.

Бюст оставался неприкрыт и по-прежнему вызывал обильное слюноотделение у мужчин. Количество зрителей явно прибавилось. Развлечение продолжалось.

– Прикройте и не нервничайте присутствующих здесь дам, да и мужчин тоже, – чиновник насмешливо обратился к незнакомке.

Поразительно, но красота, а женщина без сомнения была красива, не вызвала сочувствие у дам, скорее наоборот. Презрение и откровенная зависть читались в каждом взгляде.

«Портовая шляха, подстилка, мерзкая дрянь», – присутствующие дамы уже шипели вслух. Мужчины не были столь категоричны.

Артура никто не осуждал, скорее наоборот, ему явно завидовали. Хотя оказаться на его месте, в центре скандала, желающих было мало. Сплетни и насмешки за спиной не лучшее, о чем может мечтать мужчина.

Видя, что никто не бросается к ней на помощь, дама взвыла как иерихонская труба и бросилась вглубь зала. На этом, вероятно, все бы и закончилось.

Потом этот пикантный случай еще долго бы обсуждался в городе, обрастая все новыми и новыми подробностями.

Но не тут-то было. Скандал продолжился.

На выходе из зала братьям, решившим покинуть карнавал, чтобы не стать посмешищем в глазах присутствующих, дорогу загородили три молодых человека угрюмого вида, настроенных явно агрессивно.

Артур с Габриэлем остановились в трех шагах от них. Страх не было, они были на своей территории, их знали, а вот троица явно не тутошние, и это играло против них.

– Господа, а в чем, собственно, дело? – Артур обратился к троице.

Мужчина, стоявший посредине, сделал шаг вперед:

– Артур Нортон? Я не ошибаюсь?

– Да, это я.

– А дело в том, милейший, что вы подлец, – мужчина, произнося эти слова, вплотную приблизился к Артуру, и хлесткая пощечина обрушилась на несчастного корабела.

Такой наглости никто не ожидал. И незнакомец, воспользовавшись растерянностью жертвы, попытался залепить вторую пощечину.

А вот она уже не прошла. Габриэль кистью руки парировал удар, а Артур ударом в челюсть свалил наглеца на пол. Оба его спутника схватились за ножи. А вот за это можно было и поплатиться.

Однако их предводитель, в похвально быстром темпе пришедший в себя после полученной оплеухи, остановил их:

– Успокойтесь, господа. Спрячьте оружие. Мы в приличном обществе.

– А в чем, собственно, дело, господа? Ножи здесь по какому праву?! Прошу вас представиться и объяснить происходящее, или я вас арестую и не посмотрю на то, что праздник, – опять тот же чиновник вмешался в самый подходящий момент. – Или мне кликнуть стражу? Но тогда вам придется познакомиться с милыми зверьками – крысами в подвале городской тюрьмы.

Чиновник ясно давал понять, что шутки кончились, и поножовщину и беспорядки никто терпеть не собирается.

– Лукас Петерсон, – представился молодчик, нанесший оскорбление Артуру и получивший достойный отпор, – судовладелец, три моих корабля стоят под разгрузкой в порту Амстердама.

– И вы, господин Петерсон, решили познакомиться с нашими парнями? Похвально. Но почему так, а не за кружкой хорошего пива? – чиновник явно старался замаять скандал, давая возможность драчунам отступить, не потеряв лицо.

Своих людей, а Артур был своим, в обиду он давать не собирался. И все присутствующие в зале это прекрасно понимали.

– Сэр? – Лукас обращался к чиновнику. – Нанесено оскорбление моей сестре, и я вправе требовать извинений и компенсации за нанесенное ей оскорбление от этого господина, – кивок в сторону стоявшего напротив Артура. – Пусть он публично принесет ей извинения и заплатит золотом за тот позор, который ей пришлось пережить. В противном случае я буду вынужден вызвать его на поединок.

– Это так романтично, в духе времени! – чиновник явно издевался и не считал нужным это скрывать. – И во что вы оцениваете честь вашей сестры? – невинным голосом поинтересовался он.

– Пять тысяч песо?

– Надеюсь, что слышали все?! Господа! – торжественно обратился чиновник к толпе, собравшейся вокруг. – А вы называли сестру этого торговца портовой шлюхой, ну разве портовые девки берут такие деньги? Я полагаю, что и королю Испании будет мягко на такой дорогой подстилке.

Откровенная издевка Оливера Барда, а именно так звали чиновника, наконец дошла до сознания Лукаса и его друзей. Но что он мог сделать, все было сказано изысканно и галантно, оставалось только скрипеть зубами, слыша откровенный смех и издевательские реплики окружающих. Вышел занимательный анекдот, который наверняка станет украшением карнавала.

Требовалось переломить ситуацию в свою пользу, и Лукас, презрительно усмехнувшись, громко заявил:

– Я полагал, что, получив пощечину, господин Норман как мужчина способен постоять за себя. А он оказался трусом, способным оскорбить женщину и боящимся принять открытый и честный вызов. А магистрат в лице этого... – чужак жег гневным взглядом Оливера Барда, – прикрывает труса, потому что здесь, – кивок головы в сторону собравшихся вокруг почтенных граждан обоих полов, – давно забыли, что такое честь и совесть.

А вот теперь оскорбление было нанесено всем, и это могло плохо закончиться для прибывших чужаков. Гул нарастал, и карнавал мог закончиться хорошей дракой. Пиво некоторым уже ударило в голову и требовало выхода. А тут такой удобный случай.

– Господа! – Артур обратился ко всем, кто присутствовал в зале. – Я принимаю вызов и прошу моего брата быть моим секундантом. Но хочу заметить, что это все подстроено. Я не домогался сестры этого господина, если она действительно та, за кого себя выдает, она сама, затащив меня за портьеру, напала на меня, при этом разорвав на себе платье.

– А пощечина? Мы все слышали и видели ее след на щеке несчастной женщины, – парировал один из сопровождавших торговца парней.

– Я вынужден был защищаться. Если это все сделано с целью стребовать с меня деньги, то я платить категорически отказываюсь.

– В таком случае будем драться.

– Будем.

В толпе, окружившей место разыгравшегося скандала, послышались одобрителные возгласы:

– Правильно, это по-мужски...

– Но это опасно, они могут поубивать друг друга...

– Какой мужчина! Какой мужчина! Это так романтично...

Ситуация изменилась. Вызов был сделан, и вызов был принят. Поединок стал неизбежен.

– Моим секундантом будет мой друг и капитан моего флагмана Ник Гибсон.

Высокий худощавый мужчина средних лет, стоящий по правую руку от Лукаса, наклонил голову в знак своего полного согласия.

Вообще-то это было отступление от правил. Как ближний родственник, я не мог быть секундантом, но внимание на это никто не обратил, и возражений от противной стороны не последовало.

– Господа, как представитель власти, – подал голос Бард, – я...

Все невольно посмотрели на него, ожидая решения. Дуэли вообще-то не поощрялись магистратом, хотя и запрета на них тоже не было. Чиновник явно тянул паузу, играя на нервах собравшихся.

– Я предлагаю в качестве распорядителя дуэли свою кандидатуру. Если возражений нет, то вас, господа, – Бард выразительно посмотрел на Артура и Лукаса, – прошу покинуть помещение и держать себя достойно. А вас, – он кивнул в сторону секундантов, – прошу пройти за мной. Мы должны обсудить все условия поединка. Вас, доктор, – палец чиновника указывал на низкорослого толстяка в недорогом, но аккуратно сшитом кафтане коричневого цвета, – я тоже прошу пройти с нами.

Переговоры не заняли много времени. Было решено драться на шпагах, в девять часов утра, на поляне у Голубого озера. Оружие должно быть выбрано по жребью из арсенала, привезенного Оливером Бардом.

Поединок будет проходить по пятнадцать минут, без ограничений, с пятиминутным отдыхом, до смерти одного из дуэлянтов или ранения, которое будет препятствовать проведению дуэли. Решение по ранению принимает доктор.

Присутствие посторонних лиц в качестве свидетелей допускалось, но не приветствовалось, это было предложение секундантов Петерсона, и это было принято.

Погрузившись в карету, договаривающиеся стороны поехали на место проведения поединка. Осмотрев его, обе стороны остались вполне довольны. Место располагалось за городом, на опушке леса у Голубого, изумительно красивого озера.

«Здесь бы стихи писать или картины, если, конечно, талант имеется, а они шпажонками друг в друга тыкать собрались», – эта мысль была так ясно написана на физиономии доктора, что спорить с ними приехавшие господа не решились. Осмотрели шпаги, представленные чиновником. Нарушений не было, весь ритуал был соблюден и зафиксирован на бумаге в присутствии местного нотариуса, которого предусмотрительно взяли с собой.

На этом все приготовления были закончены. Все было готово к поединку, который должен был состояться завтра в условленном месте в оговоренное время.

Утром следующего дня в условленное место в оговоренное время прибыли три кареты. Был небольшой морозец, лед ровным слоем покрывал поверхность озера, и в лучах восходящего солнца оно светилось и искрилось тысячами мельчайших искорок. Место дуэли было очищено от снега еще вчера.

Секунданты, как и предписывалось правилами, развели соперников по краям очищенной от снега поляны и вернулись к распорядителю, который стоял в центре. Последовало предложение о взаимном примирении, как того требовали традиции, но оно было отвергнуто обоими дуэлянтами, к большому огорчению доктора, который прибыл вместе с господином Бардом.

Из его же кареты были вынуты шпаги, осмотренные еще вчера. Согласно тут же брошенному жребию оружие было распределено и положено на середине поляны. Секунданты заняли свои места, слева и справа от соперников, распорядитель предложил дуэлянтам вооружиться согласно жребию и разойтись на исходные места.

Пока секунданты и распорядитель занимались своими делами, главные действующие лица предстоящего поединка – Артур и Лукас – приготовились к дуэли быстро и молча, как и было оговорено ранее.

Оба сняли кафтаны, камзолы, жилеты, закатав рукава рубашек. Было холодновато, но это не та причина, которая могла остановить супротивников, оба были полны решимости, как иронично заметил доктор, «потыкать друг друга железками и прибавить ему головной боли и хлопот, которых у него и так было достаточно много».

Кстати говоря, Артур вовсе не собирался убивать торговца, просто немного проучить, и, если повезет, сделать отметину на его нахальной физиономии. О своих намерениях он рассказал брату-секунданту по дороге к месту предстоящего поединка.

Наконец все было готово, все условности соблюдены, оба соперника были вооружены и заняли свои места. Секунданты встали позади дуэлянтов, выполнив условия дуэльного кодекса. Распорядитель поднял руку с алым платком. Рука опустилась, и прозвучавшая команда: «Начинайте, господа!» послужила сигналом к началу поединка.

Клинки скрестились, скользнули друг по другу. Сразу четко обозначилась манера фехтования. Надо сказать, что физически соперники были равны. Оба примерно одинакового роста, оба правши, что немаловажно, оба примерно одинакового веса, однако техника фехтования была разная.

Артур атаковал стремительно и энергично, был бесстрашен и решителен. Клинок с невероятной скоростью, не заметной для глаза неискушенного зрителя, наносил сетку ударов, батманы сыпались и слева, и справа. Наконец, сделав обманное движение и уведя шпагу в бок, он из нижнего положения, из-под руки сделал решительный выпад вперед. Удар был безукоризненно рассчитан и правильно нанесен. Клинок просто не мог не поразить грудь Лукаса. Но он широким взмахом парировал длинный выпад Артура, завершившего первую комбинацию.

С положения эфеса «ногти вбок» Лукас присел в позиции для первой четверти, при этом он выглядел свежим и совсем не уставшим, в то время как Артур тяжело дышал и с него градом катил пот, несмотря на легкий морозец, заметно охладивший уши участников поединка.

Становилось понятно, что «торговец», превосходя «корабеля» в выносливости, брал его измором, вынуждая растрачивать силы. Лукас, уходя в оборону, выжидал удобного момента для броска.

Они начали снова, и опять атаковал Артур, вероятно, руководствуясь принципом, что лучшая защита – это нападение. В его положении это было единственно правильное решение. Однако великолепной скорости Артура Лукас противопоставил еще большую стремительность движений. Красивым легким движением прижав сильной частью клинка слабую часть шпаги противника, он полностью прикрывал себя в этом бою, который снова завершился длинным выпадом Артура, и снова был с легкостью парирован изящным батманом. Былой легкости при выходе из низкого выпада у Артура уже не было, но его соперник благородно дал ему возможность подняться и стать в исходную стойку. Вторая атака была завершена.

До оговоренного обеими сторонами перерыва оставалась пара минут. Но, видно, выдержка изменила Артуру.

– Будь ты проклят, фигляр, – заревел он, кидаясь вперед.

Лукас отступил на шаг назад и принял оружие соперника на квинту, а затем перешел в атаку. Он атаковал с быстротой молнии, и какое-то мгновение казалось, что острие его шпаги находится сразу повсюду. Последовала серия рассчитанных переводов в темп, заставляющая Артура раскрыться по линии атаки.

И наконец, с низкого соединения в шестой позиции, Лукас быстро и легко устремился вперед, сделал выпад в терции. Клинок вошел в грудь несчастного Артура, прямо в сердце, и тут же вышел, не сохранив даже следов крови на лезвии.

Все произошло так стремительно, что к тому моменту, как осознание реальности вернулось к окружающим, Артур уже распластался на снегу, а Лукас стоял рядом, держа оружие в согнутой руке, лезвием вверх.

На рубашке несчастного расплывалось алое пятно. Врач, что-то крича, бросился к нему. Габриэль трясущимися руками, рыдая и не стесняясь своих слез, пытался помочь, но только мешал и был послан эскулапом по известному адресу.

Небольшое отверстие чуть ниже сердца, из которого, пузырясь, фонтанировала кровь, было зажато тканью, которую врач вынул из своего чемоданчика. Артур был перебинтован, укутан в шубу, любезно предложенную Оливером Бардом, со всеми возможными предосторожностями погружен в карету и под присмотром доктора и брата отправлен домой.

– М-да... нехорошо получилось, однако.

– Мне тоже жаль, но...

– Ладно, – махнул рукой распорядитель, – что уж теперь. Пусть ваш секундант завтра часа в два явится в магистрат. Нужно будет оформить это дело... Ну сами понимаете.

Оливер Бард был ошеломлен всем произошедшим.

«Черт меня дернул влезть в эту историю», – ругал он себя, однако будучи глубоко порядочным человеком, не мог бросить несчастного на произвол судьбы. Не задерживаясь на месте поединка, Бард, сев в карету, поспешил в дом Нортон, куда и был перевезен Артур.

Корабел был жив, но находился в глубоком обмороке и, по уверениям врача, который отправился вместе с ним, был очень плох, но не безнадежен, что уже вселяло некоторый оптимизм.

Появившийся в гостиной примерно через час врач заявил, что ранение серьезное, но надежда есть.

– Все, что я мог, я сделал. Дальше все в руках Господа Бога. Уход и покой. Я некоторое время хотел бы побыть здесь, а потом пришлю своего ассистента, если, конечно, не последует возражений.

Возражений, естественно, не последовало. Надежда на лучшее подняла настроение и несколько разрядила гнетущую атмосферу в гостиной.

Оливер Бард облегченно вздохнул.

«Надежда есть – это главное. Артур молод, силен, выберется».

Понимая, что его присутствие здесь далее не требуется, он стал прощаться и на выходе, уже садясь в карету, произнес:

– Габриэль! Во второй половине дня, часа в два, я жду тебя в магистрате.

«А какого рожна мне там делать?» – большими печатными буквами было написано на лице вышедшего проводить чиновника Габриэля.

– Надеюсь, с Артуром все будет благополучно, а нам нужно побыстрее закончить это дело, – пояснил Бард.

– И...

– Подписать бумаги, бюрократию никто не отменял. Сам понимаешь. Да, и еще, раз уж Артур сейчас оказался не у дел, у меня есть к тебе одно деловое предложение.

– На предмет?

– Ну, такие вопросы на улице не обсуждают. Но, чтобы не мучить тебя неизвестностью, скажу, что я представляю группу уважаемых людей, которые хотели бы вложить свои деньги в вашу верфь, с выгодой для всех.

Габриэль хорошо понимал, что бюрократию, даже в таком деле, как дуэль, никто не отменял, чай не драка в подворотне. А вот то, что Оливер Бард и стоящие за ним джентльмены хотят вложить деньги в их с братом верфи, – это о многом говорит, и с такой поддержкой никакой дон Хуан не страшен.

– Безусловно, господин Бард, я буду в магистрате в назначенное вами время.

– Ты тоже прости меня, старика. Дурака мы все свалили, и я больше всех, теперь... Ладно, прощай, жду тебя завтра.

Карета медленно тронулась в путь.

Предложение Барда было как никогда кстати и говорило о том, что он верит в то, что Артур выберется – а это было уже неплохо.

Артур был жив и умирать пока не собирался – это тоже было замечательно.

В хлопотах по дому время пробежало незаметно, и за четверть часа до назначенного времени Габриэль уже сидел в приемной магистрата.

Прошло два часа. Бард занимался текущими делами. Какие-то люди входили и выходили из его кабинета. Секундант Лукаса не появлялся.

Прошел еще час, и появившийся секретарь пригласил Габриэля пройти в кабинет.

Кабинет был небольшим, но довольно уютным. В дальнем углу, возле окна, располагался массивный стол из темного дуба. У камина, у противоположной от стола стены, стоял небольшой столик, на котором в рабочем беспорядке лежало несколько документов, рядом стояла пара удобных кресел, друг напротив друга.

– Ну, дальше ждать не имеет смысла. Полагаю, что подписание протокола мы перенесем на другое время.

Возражений не последовало, потому что формальности дуэли мало интересовали обоих.

– Габриэль, если вы не возражаете, я хотел бы проехать на верфи, разумеется, в вашем сопровождении. Хочется посмотреть на быка перед тем, как его брать за рога, – попытался сослаться Бард.

Возражений, естественно, не последовало, и отправившись на верфи, они там пробыли до наступления темноты. Производство чиновника, конечно, впечатлило. Это было сразу видно по его восторженным замечаниям. К окончанию визита корабель уже не сомневался, что деньги «группы уважаемых людей» вскорости поступят в кассу братьев.

Предварительные условия решено было обговорить за ужином, в семейном кругу. Вложив деньги в «дело», невольно становишься компаньоном и как бы членом семьи.

Заодно следовало узнать о состоянии Артура из первых рук.

Раненый был плох, но по-прежнему не безнадежен. Доктор, отправившись домой, прислал своего ассистента – невысокую, приятной полноты женщину с приятным милым личиком, бархатным голосом, пухленькими руками и роскошным бюстом, пообещав навестить утром. Сиделка сменила несчастную Эмми, которая сама нуждалась в помощи. Беременность протекала без неприятностей, однако волнения для дам в ее положении были явно не рекомендованы.

Полужинав в гостиной, в компании с Эмми, мужчины удалились в кабинет хозяина и приступили уже к конкретному разговору о сумме вложенных средств, проценте с прибылей и множеству других скучных, но от того не менее важных и интересных, для обоих договаривающихся сторон, вопросов.

Примерно через полтора часа все вопросы были сняты. Назначив встречу для оформления всех бумаг на завтрашний день и обговорив список приглашенных, будущие компаньоны расстались, весьма довольные собой.

Ночь прошла без потрясений. Артур был жив. Утром пришел врач, сделал перевязку и заявил, что больному уже лучше и появилась надежда. Габриэль планировал заехать на верфи и затем направиться в магистрат, для документального оформления вчерашних договоренностей. Деньги нужны были позарез.

Однако прекрасно распланированный день пошел наперекосяк прямо с утра. Сразу после завтрака Габриэль намеревался поработать в кабинете, но появившийся лакей доложил о прибытии лейтенанта городских стражей порядка в сопровождении трех солдат.

- Проводите их в кабинет, – распорядился Габриэль, и, обращаясь к жене, добавил:
- Эмми, не волнуйся, все будет хорошо.

Прибывшую команду, кстати, при оружии, что было странно, провели в приемную.

Поцеловав жену, корабел вышел в приемную. Подошедший к нему лейтенант предложил пройти в кабинет для передачи важного распоряжения, поступившего лично от Оливера Барда. Прибывшим с ним солдатам был дан приказ оставаться в приемной.

Пройдя в сопровождении полицейского офицера в кабинет и плотно прикрыв дверь, Габриэль поинтересовался с плохо скрываемым волнением:

- Чем могу быть полезен, лейтенант.

– Сэр, мне поручено передать вам вот это, – лейтенант вынул из своей сумки письмо и вручил Габриэлю пакет.

– Странно! Присаживайтесь, – Габриэль предложил офицеру кресло, стоявшее у камина, вскрывая при этом пакет.

В пакете оказалась записка, в которой было написано следующее:

Габриэль!

Прошу вас немедленно прибыть в магистрат в сопровождении одного из прибывших к вам солдат. Лейтенант и оставшаяся с ним команда останется у вас дома.

Начальник службы охраны правопорядка Амстердама Оливер Бард.

– Вы знаете содержание письма, – все еще ничего толком не соображая, Нортон обратился к лейтенанту.

- Да, сэр!

– Можете объяснить, что произошло?

– Пожалуй, нет. Мне приказали, я исполняю. Вам лучше проехать в магистрат, сопровождающего я выделю.

Через полчаса Габриэль Нортон сидел напротив Оливера Барда в его кабинете и читал письмо, которое он ему молча протянул.

Сообщаю, что в четыре часа после полудня я видел владельца верфи Габриэля Нортон выбегающим из дома, в котором остановился капитан Петерсон, с ножом, который был в крови.

Ханс.

Прочитав донос, несчастный корабел стал похож на рыбу-окуня: глаза навывкате, бормочет что-то нечленораздельное, что именно, понять решительно невозможно.

Понимая состояние несчастного Габриэля, Бард начал первым:

– Вы, вероятно, хотите мне сказать, что в это самое время мы оба сидели в моем кабинете и собирались ехать на верфи. Так?

- Да!

– А вот как нам быть с ножиком, которым был убит несчастный Лукас Петерсон, и который сейчас посланные мною люди наверняка найдут у вас дома, уважаемый Габриэль?

- Вы для этого их там оставили?

– Успокойтесь, и не нужно пороть горячку. Я еще не идиот, чтобы верить всякой мерзости. Но должен заметить, что кто-то густо мажет вас грязью.

– А что, Лукас и в самом деле убит?

– Нет, представьте, он жив! – усмехнулся Бард.

– А кого убили? – Габриэль был сбит с толку окончательно и уже ничего не сообщал.

– Убили того негодяя, который дрался на дуэли с вашим братом.

– Я ничего не понимаю. Объясните ради бога, что происходит? – взмолился несчастный, чувствуя себя полным идиотом.

– Хорошо, выпейте воды, кувшин и кружка перед вами, и выслушайте! – Бард, откинувшись на спинку кресла, продолжил. – Судовладелец Лукас Петерсон в настоящий момент сидит в соседней комнате и беседует с моим помощником, я вас познакомлю с ним позже, но к господину, с которым дрался ваш брат, он не имеет никакого отношения.

– А его капитаны? Один из них был его секундантом.

– Капитаны живы, но к известной вам троице они никакого отношения тоже не имеют, это совсем другие люди.

– Про девицу я вообще не спрашиваю, – невесело усмехнулся Габриэль.

– И правильно делаете. Кстати, они тоже...

– Убиты? – в ужасе пролепетала «рыба-окунь», глаза которой стали похожи на два блюдца.

– Какой вы, однако, кровожадный, – саркастически улыбаясь, заметил Бард. – Честно говоря, я этого не знаю. Они исчезли, и я сомневаюсь, что мы их сможем найти и задержать, и главное, за что?

– Но есть подозрение, что...

– Подозрения, уважаемый Габриэль, есть на вас, потому что у вас был повод и есть донос, который лежит перед вами, и о котором, слава богу, знаю пока только я.

– И нож, который мне подбросили, – печально заметила раба, которая окунь. – Но как же мое алиби? Я был у вас в кабинете. Вы можете это подтвердить!

– Вы еще и меня хотите втянуть в это дело?

– А что же мне тогда делать?

– Думать и рассуждать! Что мы имеем? А мы имеем следующее. Первое – имеем живого и здорового судовладельца Лукаса Петерсона и его капитанов. Второе – имеем труп неизвестного, который назвался Лукасом Петерсоном, вызвал на дуэль вашего брата и без малого чуть не отправил его к праотцам. Третье – имеем двух неизвестных господ, назвавшихся капитанами прибывших в порт кораблей, но на самом деле таковыми не являющимися. Четвертое – имеем неизвестную девицу, спровоцировавшую поединок. Затем все трое бесследно исчезают, и я не уверен, что мы их найдем. Пятое – кто-то убивает фальшивого Лукаса, кто-то подбрасывает донос на вас в магистрат, а нож, которым его убили, к вам домой. Я уверен, что нож у вас в доме.

Оба, увлекшись разговором, не услышали, как в кабинет зашел доктор, и по его лицу было понятно, что он все слышал.

– Вы хотите что-то добавить, – не спрашивал, а скорее утверждал Бард, глядя на доктора.

Доктор подошел к столу и положил лист пергамента, на котором был изображен интересный символ: заглавная латинская «А», без перекладки. При этом оба нижних конца буквы загнуты вовнутрь, в виде когтя хищного зверя. Сама буква находилась сверху секиры, перевернутой лезвием к низу.

– Это татуировка, которую я обнаружил на плече убитого «Лукаса» при осмотре тела.

– И что она означает? – пролепетал Габриэль.

– Это, если я не ошибаюсь, символ «Братства ассасинов»! – заявил доктор.

– Профессиональные убийцы! – Бард, смотря задумчиво на обоих собеседников, продолжил:

– Вы знаете, как называется удар, который получил Артур? Нет? Доктор, вы ведь присутствовали на дуэлях.

Доктор пожал плечами, показывая, что он совершенно не разбирается в технике фехтования, его дело людей лечить, а не убивать их или калечить.

Бард продолжил:

– Этот удар я видел только однажды, во Франции, и там же мне рассказали об ассасинах. Их нанимают, когда надо избавиться от ненужного человека, спровоцировав его на поединок. А в том, что Артура хотели убить, я лично уже не сомневаюсь.

– Удар чижа! – просиял доктор. – Я вспомнил, этот удар называется «удар чижа», еще его называют «бескровная смерть».

– Да, вы правы, – Бард был сосредоточен, прикидывал варианты поведения и, видно, найдя наилучший, обратился к доктору:

– Франк, будь добр, не обижайся, но мне есть, что сказать господину Нортону.

Дважды просить необходимости не было, доктор исчез из кабинета так же бесшумно и быстро, как и появился.

– Габриэль, мы не первый год знакомы, я хорошо знал вашего отца, с Артуром мы были в хороших отношениях, и к вам лично я отношусь с симпатией. В противном случае я бы не стал вкладывать свои деньги и деньги близких мне людей в ваши верфи. Это, я надеюсь, вам понятно?

Габриэль молча наклонил голову в знак полного согласия, и Бард продолжил:

– Я не знаю мотивов покушения, но похоже, что против вас с братом кто-то плетет интригу, а потому нужно выждать время. Я на вашей стороне, и не только я. Вы, говоря попростому, тутошний, и с вами мы всегда сможем поладить.

Бард вышел из-за стола и подошел к окну.

– Направляйтесь сейчас домой и первым делом общитесь каждый дюйм вашего дома, но нож, которым убили этого самозваного Лукаса, найдите и уничтожьте.

Пришло время удивиться корабелу:

– Вы полагаете, что посланные вами люди его не нашли?

– Они его и не искали, – усмехнулся хозяин кабинета. – Кстати, по прибытии домой отблагодарите лейтенанта за проявленное усердие, – Бард выразительно посмотрел на «рыбу-окуня», в которую снова превратился несчастный корабел, вытаращив глаза.

– Я вас понял, – пролепетала рыба, начиная понимать, что за подарок ему преподносят, – господин Бард, я... с моей стороны... вы можете...

– Я принимаю вашу благодарность, но мы только в самом начале пути. Сейчас же вам надлежит побыстрее добраться домой и выполнить все в точности, как мы с вами только что обговорили. Затем напишете подробный отчет о том, чем вы занимались весь вчерашний день. Побольше мелочей, перечислите людей, с которыми вы говорили, которые могли вас видеть, запомните, это – ваша защита. Если я правильно понял, у тех, кто плетет интригу, все это было спланировано заранее. А вот то, что Артур окажется жив, они знать не могли. И о нашей поездке на верфи тоже знать не могли, а потому я предвижу, что они попытаются исправить положение и как-то навредить и вам. Будьте осторожны, в провожатых с вами пойдет тот же солдат, что и сопровождал вас сюда. Жду вас завтра к обеду с подробным отчетом.

С лейтенантом и его командой договориться оказалось легко, к тому же они были заранее предупреждены о таком повороте событий. После их ухода начались поиски главной улики, и она была найдена практически сразу, ибо лежала рядом с камином, чуть прикрытая тряпкой. Уничтожить нож, предварительно вымыв его лезвие, было делом пяти минут, обломки были упрятаны в надежный тайник, чтобы в скорости исчезнуть окончательно и навсегда.

Артур был жив, и его самочувствие заметно улучшилось, сиделка была неотлучно с ним, меняясь с Эмми, которая заметно повеселела.

Из Хаарлема спешно приехал сын Артура – Герд Нортон, который после разговора с дядей и тетей Эмми заявил, что он никуда не уедет и будет находиться рядом с отцом, помогая сиделке, присланной доктором.

Побывав на верфях, Габриэль только вечером, после ужина, смог, уединившись в своем кабинете и прихватив с собой десяток гусиных перьев, приступить к написанию требуемого от него отчета.

Отчет давался с трудом, мысли путались, перья тупились, и их постоянно приходилось затачивать. К концу второго часа корабель взмок, озверел от всей этой канцелярщины. В кабинете было жарко.

Когда из камина появилась тоненькая струйка дыма, это окончательно вывело Габриэля из себя. Он потянулся к колокольчику, намереваясь вызвать секретаря и высказать все, что он думает о нем и его ближайших родственниках, а также об истопнике, и дровах, и о том, куда их следует засунуть, чтобы они не дымили, с указанием конкретного места на теле истопника.

Дым не стал расползаться по кабинету, а наоборот, он уплотнялся, что было неправильно, постепенно превращаясь в плотную массу, которая двигалась и оживала. К тому моменту, когда колокольчик зазвенел, оглашая кабинет серебряным звоном, дымок превратился огромную, не менее четырех метров в длину и не менее четырех дюймов в диаметре, королевскую кобру. Поднявшись и распустив капюшон, гадина неподвижными злобными глазками смотрела на Габриэля, который, продолжая трезвонить колокольчиком, уставился на чудовище взглядом затравленного кролика. Их взгляды встретились, и гадина в великолепном прыжке бросилась, разинув пасть, на несчастную жертву.

Колокольчик полетел навстречу и застрял в пасти змеи, челюсти рептилии едва не сомкнулись на руке жертвы, ядовитые зубы слегка царапнули кожу. Атака не увенчалась успехом. Шок прошел, жертва пришла в себя, могла соображать и защищаться.

Время работало против убийцы. Звон колокольчика сыграл свою роль, сейчас в кабинете должны были появиться люди.

«Будет еще один бросок, и он будет последним», – это ясно понимали оба.

Пасть змеи раскрылась, обнажив ядовитые клыки, тело чудовища, пульсируя, сжималось, превращаясь в смертельно опасную пружину. Наконец она разжалась. Кобра бросилась вперед, целясь мужчине в ногу.

Как нож, которым Габриэль оттачивал перья, оказался у него в руках, он и сам не понял, дальше тело среагировало на автомате. Последовал уход в сторону с линии атаки. Энергичный батман плоскостью клинка – и голова гадины ушла в сторону, ответная атака обратным ходом с поворотом вокруг своей оси. Хлесткий рассекающий удар лезвием ножа – и кровь брызнула фонтаном, заливая злобно сверкающие глаза чудовища. Атака ядовитой гадины опять была отбита. Чудовище, обливаясь кровью, отползло в сторону камина.

Однако яд из оцарапанной руки все же попал в кровь жертвы и стал действовать.

То, что произошло дальше, Габриэль уже не контролировал, потому что голова стала тяжелая, свет погас, он еще слышал голоса людей, но уже летел куда-то в пропасть. Тело стало легким, и боль ушла. Все, его уже здесь, в кабинете, не было. «А пошло оно все в ж...», – проблеск последней осознанной мысли оторвался от улетающего тела, и наступили темнота и покой.

Когда прислуга ввалилась в кабинет, побуждаемая звоном колокольчика, Габриэль уже лежал на полу, извиваясь от нестерпимой боли, уже ничего не соображая. Его рвало кровью. Тело синело и раздувалось на глазах.

В доме начался переполох, крики о помощи, истерика несчастной Эмми при виде мужа. В кабинет набилась масса народа, все кричали, охали, ахали, пытались помочь. В общем, обста-

новка напоминала потоп в провинциальном борделе во время пожара. Об Артуре все, конечно же, забыли, даже сиделка, которая в тот вечер подменяла Герда, отлучившегося по каким-то своим делам, и та прибежала на крики, доносившиеся из кабинета хозяина дома.

Когда все более или менее успокоилось и несчастного уложили на диван, а это произошло не сразу, сиделка вернулась в комнату к Артуру и была шокирована возникшей перед ее глазами картиной: Артур лежал на кровати с широко открытыми глазами, рубашка и кровать были залиты кровью, из груди несчастного, прямо напротив сердца, торчал нож, обычный кухонный нож.

Крик застыл на губах несчастной женщины, и она медленно сползла по стеночке на пол, лишилась чувств, и только шум падающего тела привлек внимание прислуги.

Крики ужаса, доносившиеся из комнаты шурина, заставили Эмми оставить мужа и пройти в комнату, где находился Артур. Открывшаяся ее взору картина повергла ее в шок, а последовавший обморок хозяйки дома окончательно вывел обстановку из-под контроля.

Вся наличествующая в доме прислуга орала, шумела, бегала как умалишенная, бились в истерике в основном женщины – в общем, во всей этой неразберихе можно было бы перерезать всех, кого надо и кого не надо, и преспокойно скрыться, так и оставшись незамеченным.

К тому моменту, когда Оливер Бард появился в прихожей Нортонов, какое-то подобие порядка было уже восстановлено. Срочно прибывший доктор осмотрел Артура, зафиксировал смерть, проигнорировал сиделку, которая уже пришла в себя и тихо плакала, и полностью переключился на Габриэля, который был уже раздет и осмотрен. Тело распухало, синело, начался паралич конечностей, кожа на руках трескалась, из-под ногтей уже сочилась сукровица, и тело омерзительно пахло.

Эмма тоже пришла в себя и утешала как могла Герда, который рыдал в голос, еще до конца не осознавая, что остался круглым сиротой.

Положение усугублялось тем, что доктор не мог определить причину недуга Габриэля. Все признаки говорили об укусе змеи, но откуда она здесь взялась – зимой, в центре Амстердама? Пятна крови и беспорядок в комнате явно указывали на происходившую в кабинете схватку, но никого, кроме несчастного Габриэля, в кабинете вошедшие не видели. Хотя, если быть честным до конца, никто ничего и не искал.

Нужно отдать должное профессионализму Оливера Барда, действовал он решительно и без церемоний. Прибыв в сопровождении лейтенанта и дюжины солдат, он сразу навел порядок и «построил» всю прислугу.

Взгляд полицейского – а Бард был из этой породы – неприятен и вызывает не самые лучшие чувства, но страх и послушание он вызывает точно. Перекрыв все входы и выходы из дома, прибывшие никого не выпускали, при этом впуская всех.

Тщательно осмотрев комнаты обоих братьев, Бард, пройдя в одну из свободных комнат, начал допрос всех находящихся в доме, без исключения.

К утру ему стало окончательно ясно, что в доме произошло тщательно спланированное и мастерски проведенное двойное убийство. То, что Габриэль пока жив, ничего не меняло. Его смерть, по заверениям доктора, неизбежна, противоядия нет, ибо непонятно происхождение яда и как он попал в организм. Царапина на руке могла быть источником заражения, а могла и не быть, других видимых повреждений на теле он не обнаружил. Следы борьбы в комнате, кровь на полу присутствовали, но кто напал, и как проник, и куда девался потом, выяснить не удалось.

С Артуром ясности было не больше. Нож, которым его убили, был обычным, кухонным. На кухне таких ножей было с десяток. Удар был совершен мастерски, и убитый не сопротивлялся, вероятно, он доверял убийце и такой подлости от него просто не ожидал. Убийство было совершено в тот момент, когда в доме началась паника, вызванная нападением на Габриэля. На это был сделан расчет, и он сработал. Отсутствие сиделки рядом ни о чем не говорило.

Обычное женское любопытство спасло ей жизнь, иначе положили бы и ее, хотя здесь тоже не все ясно, и с нее подозрений никто снимать не собирается. Проводя расследование, Бард чувствовал пристальный холодный расчетливый взгляд. Убийцы явно были рядом, а вот причины были решительно непонятны.

К утру стало ясно, что по горячим следам разобраться не получится, предстоит расследование, и это не радовало. Пригласив Эмми и молодого Герда в комнату и тщательно прикрыв дверь, Бард с сожалением заявил о том, что в их доме произошло тщательно спланированное и удачно проведенное двойное убийство. Убийцы – а в том, что их несколько, он был уверен абсолютно – действовали слаженно, по разработанному плану, и они из «своих», чужих в доме не было. Об этом он заявил прямо и честно, а еще о том, что он не в силах распутать этот клубок.

– И что же мне теперь делать? Они и нас убьют – и меня, и Герда, да?!

Эмми была на грани истерики от такого заявления, Герд молчал.

– Я не хочу вас расстраивать, госпожа Нортон, но все указывает на то, что кто-то хочет вашей смерти и он не остановится. Смена прислуги ничего не даст, это может только отсрочить неизбежное. Защитить вас и вашего племянника я не смогу. Врать и давать пустые обещания не считаю правильным.

– Что мне делать? Хотя бы дайте совет. Габриэль жив, пока, и я его не брошу.

– Я понимаю! – Бард неспешно прошелся по комнате. – Я приставлю к вам охрану, думаю, троих солдат будет достаточно на первое время. Похороните Артура, продавайте ваши верфи, дом, имущество, забирайте племянника и мужа, если он будет еще жив, и уезжайте. Я помогу и с продажей, и с переездом. Может быть, это поможет сохранить ваши жизни.

«Хотя я в этом совсем не уверен», – было отчетливо написано на его лице, и это Нортон поняли вполне отчетливо.

– Господин Оливер, а я могу ВАМ доверять?! – Эмми смотрела на Барда пристально, и он понял, что именно она имеет в виду на самом деле.

– А у ВАС есть выбор? – ответ был таким же, каким и вопрос.

– Пожалуй, нет! Я вынуждена полагаться на вашу честность.

«Хотя я вам совершенно не верю», – они прекрасно поняли друг друга.

Истерики не было, предстояла борьба за свою жизнь, жизнь мужа, жизнь неродившегося ребенка и жизнь племянника. Женщина это отчетливо понимала. Слезы, сопли, крики – не помощники. Слабых убивают. Сильных убивают тоже. Но хотя бы не сразу.

«Я сделаю все, что в моих силах. Лучше умереть в драке, чем как овца на бойне», – Нортон, тетя и племянник, смотрели друг на друга, слов не потребовалось, они все поняли и заключили союз молча. Бард это понял и принял.

Артура похоронили на городском кладбище, соблюдая все положенные ритуалы. Все было тихо, грустно. Шел дождь, и народу было мало – только родные, представители муниципалитета, люди с верфи и еще кто-то.

Через пару дней после похорон Артура, когда доктор окончательно уверился в невозможности помочь Габриэлю, ему на смену был призван священник, чтобы причастить умирающего.

Вечером, когда Эмми была рядом с мужем, а Герд сидел в гостиной, в дверь особняка постучали, и молодой, хорошо одетый джентльмен попросил принять его по весьма неотложному делу.

Ему, естественно, было отказано – ну какие приемы, деловые беседы, когда в доме, почитай, покойник, и убийцы рядышком, затаились и козни замышляют, готовятся, ножики точат или отраву подсыпать намереваются.

Кстати, Бард был прав: присутствие солдат – а ребята были, несомненно, из лучших и совсем не глупые – приносило свои плоды. Пока Нортон были живы, и покушений не было.

Сиделка тоже была изгнана из дома. Ее заменила Эмма и племянник, попеременно дежурившие у постели умирающего Габриэля.

Предложение по продаже верфи тоже поступило. Муниципалитет намеревался ее приобрести, конечно, со значительной скидкой, и Барду за посредничество тоже перепала толика немаленькая. Но откровенного грабежа не было, это Нортон понимали и готовы были принять предложения.

«Лучше быть живыми и с деньгами, чем мертвыми, которым деньги вообще не нужны». Все шло к соглашению. Кстати, и с переездом тоже все улаживалось наилучшим образом.

Габриэль был жив, надежды на выздоровление, правда, не было, но оставалось еще уповать на чудо. Основной же причиной, по которой сделка еще не состоялась, была беременность Эмми. Она хотела родить в нормальных условиях, в родном городе, а не в дороге.

Владельцем верфей, по завещанию, был Габриэль. Он и только он мог принимать решения, а он был пока еще жив, и его уход в лучший мир торопить никто из близких ему людей даже не и не подумал бы, хотя опасность была рядом, это чувствовалось, но с этим как-то свыклись. Шок прошел, решение принято. Можно было не торопить события.

Прибывший посетитель не стал настаивать и требовать немедленной встречи, он просто отдал прислуге запечатанный конверт, который попросил передать госпоже и по возможности незамедлительно, что и было исполнено. В пакете была коротенькая записка:

Госпожа Нортон! Я был бы рад предложить вам средство, которое могло бы помочь в излечении вашего мужа. Не бескорыстно. Через пару часов я буду у вас снова. Если разговор не состоится, я настаивать не буду, это будет ваш выбор.

Через полчаса доктор читал полученную записку, Нортон сидели и молчали.

– Ваше мнение, что это?

– Кхе... – прокашлялся эскулап. – Вообще-то, ваш муж, я прошу прощения, госпожа, за неуместность и жестокость...

– Говорите как есть, мы, – она посмотрела на племянника, – готовы ко всему.

– Да он практически уже мертв, и я не вижу возможности его спасти. Если это яд, то нужно знать источник яда, иметь сам яд или знать его состав, чтобы сделать противоядие.

– Или быть одним из негодяев, изготовивших этот яд, – впервые заговорил Герд.

– Может быть, и так, но я бы посоветовал хотя бы выслушать этого господина. Выгнать его взащей вы всегда успеете. Мне присутствовать при разговоре?

Тетушка взглянула на племянника. Герд отрицательно качнул головой.

– Такой необходимости нет. Благодарю вас, господин Симонс.

Через пару минут доктора уже не было в особняке. А еще через час в кабинет, ранее принадлежавший Артуру, вошел невысокий молодой человек примерно двадцати пяти лет, в сером кафтане, такого же цвета камзоле, в серых узких штанах длиной немного ниже колен, поверх которых были надеты белые шелковые чулки. На ногах у него были башмаки такого цвета, как и камзол, с металлическими пуговицами. Ничем выдающимся или запоминающимся его физиономия не отличалась. Обычная «серая мышка», разве что глаза. В них без труда читался ум и чуть уловимое презрение к окружающим. Взгляд – цепкий взгляд хищника, или палача и кого-то еще, особенно это презрение. Но кого?

В кабинете во главе стола расположилась Эмма, Герд сидел рядом, по правую руку от тетушки.

– Представьтесь, – Эмми начала первой, не предлагая вошедшему гостю присесть.

– Мое имя Алард Ведер, я торговец, представляю здесь весьма уважаемого человека, – отрекомендовался вошедший франт.

– И что вы хотите нам предложить?

- У меня есть препарат, который сможет вылечить вашего мужа, госпожа Нортон.
- А почему я должна вам верить?
- Потому что я знаю, чем и как отравили вашего супруга.
- И чем?
- Яд королевской кобры.
- И у вас есть противоядие.
- Конечно, есть, но за него я прошу продать мне ваши верфи.
- Они уже проданы, этим занимается начальник охраны города, господин Оливер Бард.

Мне эти верфи не нужны.

- Без вашего мужа их продать невозможно, он их хозяин после смерти брата.
- А смерть Артура тоже ваших рук дело? – невинно улыбаясь, спросила Эмми, хотя это ей стоило невероятных усилий, внутри у нее все клокотало.

Герд тоже впился взглядом в незнакомца, но молчал. Ор и гневные обличения – это удел идиотов, и сам выставишь себя дураком, и ничего не добьешься.

Алард пропустил слова женщины мимо ушей, не считая нужным даже реагировать на них.

- Я могу присесть? – произнес он, приблизившись к стулу.

– Перебьешься! Стань на место, я не вижу смысла в нашем разговоре. Я продам верфи муниципалитету, получу деньги, а далее делайте с ними, что хотите, все претензии к властям города.

- А ваш муж?

– А зачем мне инвалид при таких-то деньгах? – Эмми так откровенно фыркнула, что усомниться в ее искренности было просто невозможно.

Если бы они с Гердом заранее не обговорили предстоящий разговор и возможные варианты и повороты, он наверняка бы уже пылал ненавистью к «хапуге». А так он мысленно аплодировал и только опустил глаза, чтобы не выдать истинных чувств. А вот Ведер был явно сбит с толку. Он заранее считал женщину глупой самкой, которую обвести вокруг пальца большого труда не составит, учитывая ее любовь к мужу, о которой его информировали знающие люди. И вдруг такой конфуз.

- Я заплачу больше.

- Сумма, предложенная муниципалитетом, меня вполне устраивает.

– Вы получите здорового мужа и деньги, разве это не аргумент в пользу моего предложения?

Эмми задумалась. Взгляд Герда говорил ей, что она все делает правильно. Легкая усмешка коснулась ее губ, и племянник понял, что сейчас начнется самое интересное, и ему лучше помолчать.

Видя, что ему удалось заинтересовать мегеру, Ведер воспрянул духом: «Сколько сил пришлось приложить, и все в пустую из-за какой-то жадной и глупой коровы». Он отлично знал, что с магистратом лучше и не связываться, там сидели волки, которые обдерут, сожрут и выплюнут, и весь хитроумный план улетит собаке под хвост.

- Может быть, вы все же позволите мне присесть?

– Садись! Я хочу услышать твои предложения. Вопрос о сумме сделки мы обсудим позже. Я слушаю тебя!

- Усевшись на стул, стоящий напротив Эммы, и переведя дух, Ведер продолжал:

– У меня есть противоядие, и я передам его вам. Ваш муж выздоравливает и, продав мне верфи, уезжает навсегда из города, а лучше из страны.

- А если он, выздоровев, не захочет продать верфи?

– Я передам основное противоядие, для выздоровления его хватит. Но возможен рецидив. После осуществления сделки будет передана закрепляющая доза.

- А если болезнь вернется?
- Не вернется. Да и деньги в любом случае будут у вас.
- И они будут больше суммы, предложенной магистратом.
- И сколько же вы хотите?

Начался торг. Герд с ужасом смотрел на происходящее: «В доме лежит почти что покойник, его отец убит, а тетя торгуется с убийцей за каждый реал, как торговка на рынке». И только значительно позже, по прошествии определенного времени, он понял и оценил действия тетушки – она не торговалась, она убеждала убийцу в своей лояльности и в том, что с ней лучше договориться, чем убить ее и ее семью. «Убьешь меня – потеряешь все. Лучше разойдемся по-хорошему, плохой мир лучше хорошей войны» – к концу торга эту мысль отчетливо поняли оба мужчины.

«А она вовсе не дура, и с ней лучше договориться по-хорошему», – Ведер это понял достаточно ясно, и Эмми надеялась, что эту нехитрую мысль он донесет до своего покровителя, и смерти в ее семье прекратятся. Кстати, в результате торгов ей удалось увеличить сумму, предложенную магистратом, на треть.

В полдень следующего дня оговоренная сумма была доставлена, пересчитана и упрятана в надежном месте. Габриелю, осторожно раздвинув челюсти, влили в рот содержимое флакона, принесенного вымогателем.

Через неделю купчая была подписана лично Габриэлем Нортоном и вручена Аларду в присутствии чиновников магистрата, нотариуса и другого мелкого люда, обязанного присутствовать при таких сделках.

Флакон, закрепляющий противоядие, ему был вручен после подписания всех бумаг, уже «по-тихому». Обе стороны расстались, условившись не видеться никогда.

До отъезда оставалась неделя, и все ждали разрешения беременности милашки Эмми. И она оправдала ожидания близких ей людей, родив прекрасную девочку, а вот дальше начались неприятности – послеродовая горячка. Вполне нормальная женщина сгорела буквально на глазах. Все усилия доктора оказались тщетны. Эмми умерла, забрав с собой девочку, которая умерла буквально на следующий день.

На Габриэля страшно было смотреть, он буквально за месяц потерял все. Другие бы сломались, ушли в запой и в конечном итоге очутились бы на помойке жизни, но племянник, юный Герд Нортон, буквально руками, пинками выволок его из пропасти, в которую уже начинал падать его дядюшка.

Придя в себя, бывший корабельщик, а ныне владелец приличного состояния, использовал все свои связи, знакомства, деньги, которые у него были в наличии, но буквально зубами вырвал себе губернаторство на Кюрасао, Богом и людьми забытом острове в Карибском море.

Красавец-галеон, взяв ветер всеми парусами, в крутом бакштаге рвался в океан, все дальше уходя от берега. На полуострове у кормовых фонарей стояли двое в кафтанах серого цвета и смотрели на полоску суши, которая стремительно таяла в дымке утреннего тумана.

Что ждет их там, вдали от родного Амстердама, на далеком Кюрасао, куда один из них направлялся полномочным представителем Голландской Вест-Индской компании и одновременно губернатором острова, утвержденным специальным распоряжением Парламента Соединенных Провинций Нидерландов, они не знали.

Ветер крепчал, волны становились круче, дождь перешел в ливень. Поднявшийся на полуостров офицер предложил «господину губернатору» пройти в подготовленную для них каюту. Берег растаял. Их окружало море. Ветер свистел, выметая из их душ грусть, печаль и горечь утраты близких людей. А вот злость и неусыпная жажда мести оставалась. А еще терпение и холодный расчет, они умели ждать. Даже если они проиграли сегодня, жизнь продолжается, наступит завтра. Они были еще так молоды, крепки телом и духом. У них была цель, путеводная звезда озаряла их путь во мраке бытия, а еще они были богаты. Они обязательно вернуться,

и те, кто виновен в их несчастьях, заплатят за все. Но это будет не скоро, и будет ли вообще – этого не знал никто. А сейчас нужно было жить, это ведь так просто.

Глава третья

Палач. Ставка ценой в жизнь

Прошло двенадцать лет. Габриэлю Нортону удалось стать своим в этом гадюшнике, каким оказался с виду милый и приветливый остров, к которому они причалили спустя три месяца после отплытия из Амстердама.

Авантюристы всех мастей и оттенков, пираты, контрабандисты, работорговцы, откровенные бандиты, убийцы, сутенеры. Казалось, что все дерьмо в человеческом облики приплыло на этот остров, находящийся на самом перепутье морских трасс.

Габриэлю повезло еще тем, что его предшественник – губернатор острова оказался по-настоящему порядочным человеком и откровенных пакостей не чинил. Наоборот, он честно ввел молодого преемника в курс текущих дел, и самое главное – передал в наследство сплоченную команду преданных ему людей, с которыми он работал и за которых готов был поручиться хоть перед Господом Богом, а уж перед людьми так и тем паче.

Через полгода «старый» губернатор с легким сердцем и приличной суммой сравнительно честно заработанных денег, окончательно сдав дела «новому», отбыл в Амстердам.

Племянник был приставлен к делу сразу же по прибытии и удивительно быстро входил в курс своих обязанностей «чистильщика» человеческого дна. С наставником и командой здесь ему повезло не меньше, чем дяде.

Общая работа и общие неприятности, а их хватало с избытком, сблизили этих людей настолько, что Габриэль был готов «порвать» любого за сына, а он его искренне считал своим сыном и наследником. Герд это чувствовал и отвечал взаимностью. На людях они, конечно, старались держать дистанцию, но секреты в «деревне» не утаишь, дома же они давно перешли на «ты».

А вот женщин в их узком семейном кругу не было. Как оказалось, Габриэль был однолюбом, и после смерти его милой Эммы сердце просто не пускало другую. Тело, конечно, допускало женщин, но ничего серьезного и постоянного не получалось, и скоро местные красавицы и их матери оставили его в покое.

С Гердом случился тот же казус. Мать он не помнил, она умерла при его рождении, и тетюшка Эмма стала ему матерью, окружив такой заботой, любовью и лаской, что любую появляющуюся в его окружении женщину он невольно сравнивал с ней, и сердце отвергало «чужую».

Да и род деятельности сыграл с ним злую шутку. Он с такой легкостью, без тени жалости вычищал «авгиевы конюшни» острова, что прозвище «палач» прочно прилипло к нему. А скажите, какая женщина станет связывать свою судьбу с палачом, прирезать которого грозились чуть ли не половина острова, а за глаза шипели все, плевались и строили козни?

Любой островной красотке было ясно как божий день, что если «дорогого супруга» и не прирежут где-нибудь в тихом месте, то саму супругу точно притопят на месте неглубоком, и такая перспектива не радовала претенденток на руку и сердце главного живодера острова.

Для нехитрых мужских радостей ему вполне хватало эксклюзивных милашек – «для своих», в известных заведениях, которые давно курировались его службой, хоть это и не афишировалось.

Итак, пришла пора вернуться в кабинет Герда Нортонна, где мы покинули обоих в начале повествования. Габриэль закончил пересказ событий, о котором его попросил Герд, когда город уже спал.

В тропиках звезды яркие, крупные, красота потрясающая. Воздух полон запахов, пахнет морем.

Герд стоял у открытого окна и с наслаждением вдыхал аромат тропической ночи. Он полюбил Кюрасао всей душой и сердцем.

Помня обещание, данное дяде и самому себе на палубе галеона, увозящего их из Амстердама, – найти истинного убийцу своего отца, Герд упрямо, все двенадцать лет по крупицам собирал сведения, используя все свои возможности, деньги, подкуп, шантаж. Материал накапливался и анализировался.

Мозаика событий крутилась в его голове. Постепенно из отдельных фрагментов складывалась цельная картина, не хватало всего лишь нескольких фрагментов.

– Что скажешь? – поинтересовался губернатор.

Герд молчал, продолжая с наслаждением вдыхать ночной аромат «земного рая».

«Жалко мальчишку, – подумал Габриэль, – не поверил! А может, это и к лучшему».

– Ладно, уже поздно! Извини, я пойду, – поднимаясь, заявил губернатор и направился к двери.

– погоди, отец! – Герд нередко называл его отцом, но на этот раз в его голосе было что-то, что заставило губернатора остановиться.

– Прошу тебя, присядь. В твоём рассказе для меня ничего нового не прозвучало, я и так уже все знал, не хватало буквально крох.

– Герд! Это касается нас обоих. Рассказывай все, что тебе известно, а после мы решим, что делать, – Габриэль вернулся к столу и опустил на стул.

– Хорошо! Пусть будет так, – Герд, подойдя к секретеру, взял очередную папку серого цвета и, достав из нее плотный лист бумаги небольшого формата, положил его на стол.

Бумага, лежащая перед губернатором, оказалась рисунком, вернее портретом, выполненным черным карандашом. По рисунку было сразу видно, что автор не лишен таланта. Черты лица были четкими и ясными, без отсебятины и творческих выкрутасов.

На портрете был изображен мужчина примерно лет сорока, может меньше, явно из благородных. Худое вытянутое лицо, тонкие чувствительные губы. Прямой нос, парик, на голове шляпа, треуголка. Белоснежная рубашка из тонкого полотна с пышными кружевными манжетами и разрезом спереди. Узкая распашная куртка из яркой шелковой ткани, застегнутая впереди на талии, открывающая жабо и придававшая особый шарм и обаяние изображенному на бумаге аристократу. Все было изысканно и благородно. Однако общее радужное впечатление портили глаза и взгляд, откровенно плохой, презрительный, высокомерный, неприятный – неизвестный художник это изобразил довольно точно.

– Узнаешь? – голос Герда звучал твердо, без иронии.

Прошедшие годы не помешали опознать изображенного на бумаге аристократа:

– Да, я конечно же помню его. Это Алард Ведер. Он купил наши верфи, и он стоял за убийством твоего отца и моим отравлением.

– Все верно! А кто это женщина? Узнаешь? – на стол лег другой лист, такого же формата и качества, на котором тем же художником и в той же манере была изображена пожилая женщина, слегка за пятьдесят. Благородная осанка, худое вытянутое лицо, тонкие губы, прямой нос, жемчужно-белые, правильной формы зубки.

Вообще-то она была красива. На ней было темно-синее шелковое платье – контуш со складами Вагто, без пояса, надетое поверх нижней юбки на каркасе. Темные волосы были завиты в локоны, подняты вверх и сколоты на затылке. Нить из белого, крупной величины жемчуга, вплетенная в волосы, завершала скромную, но довольно богатую прическу женщины. Украшений почти не было, разве что в ушах наличествовали серьги – небольшие черные жемчужины, обрамленные в золото, очень дорогая и редкая вещь.

Губернатор внимательно смотрел на портрет. То, что он ее видел, сомнений не вызывало. Но вот где и когда, и кого она ему напоминает, вспомнить не мог. Образ крутился перед глазами, не желая материализоваться.

– Я ее видел и даже говорил, но где, не могу вспомнить.

– А если оба портрета положить рядом и сравнить?

Алард Ведер, изображенный на первом листе, был почти что копией женщины, изображенной на втором листе, с поправкой, конечно, на пол и возраст.

– Это его мать! У меня нет сомнений. Это мать Аларда Ведера, так?! – губернатор не спрашивал, он уже утверждал, глядя на племянника, стоявшего рядом. – Но я ее где-то видел, и даже говорил с ней.

– Я тоже. Более того, я даже ухаживал за отцом вместе с ней и бегал за лекарствами по ее просьбе в тот день, когда его убили.

– Сиделка! Помощница врача Франца Симонса, кажется, так его звали.

– Этого? – и Герд положил перед изумленным Габриэлем третий портрет, на котором был изображен тот самый эскулап из Амстердама, присутствующий на дуэли, потом лечивший Артура, его самого и его малышку Эмму. – Это ее отец и, соответственно, дедушка Аларда Ведера. В тот день, примерно за полчаса до нападения на тебя, она отослала меня за лекарством к врачу. Я пробыл у него примерно часа два, пришлось подождать, пока его изготовят. А когда вернулся, отец был уже мертв, а ты лежал без чувств, и мне пришлось мчаться обратно, уже за врачом, чтобы он помог хотя бы тебе.

Когда начались крики и шум внизу, в твоем кабинете, она, оставив больного отца на кровати, бросилась вниз – на помощь, а когда вернулась, отец был уже убит.

– Ты думаешь, что все было спланировано заранее?

– Я уверен в этом. Чужих людей в доме не было. В комнату отца, а она находилась на втором этаже, никто не поднимался, и никто не спускался оттуда, окна были плотно закрыты. Я сам проверял.

– Тебя в тот момент не было. Ты что думаешь, она сама могла убить?

– Думаю, да! Удар был точно в сердце. И признаков борьбы на постели не было. Убитый полностью доверял убийце и не ожидал от него такой подлости. А она, кстати, неплохой хирург, и с ножиком бросаться на людей ей не в новинку, профессия такая.

– Это только предположения!

– Да. Свидетелей нет. И это тоже не в ее пользу. А потом она исчезла. Дело-то было сделано, и ее присутствие в доме больше не требовалось, да к тому же тетя никого чужого к тебе не подпускала. Только она сама и я.

– А кто напал на меня? – губернатор интересовался без тени иронии. Просто он уже не один раз убеждался в проницательности Герда, у которого оказался прирожденный талант сыщика и интригана. – Я понимаю, что в «кобру» ты не веришь.

– Напрасно ты так думаешь. Верю. Кобра была. И была схватка. И было ранение вас обоих. Я даже смогу назвать имя напавшего на тебя негодяя.

– Имя... человека?! – губернатор уставился на племянника, вытаращив глаза от изумления.

Герд не спеша, как заправский фокусник, достал из той же папки очередной шедевр неизвестного художника и положил его на стол перед Габриэлем:

– Узнаешь?!

На бумаге, лежащей перед губернатором, был изображен мужчина примерно лет семидесяти, в красной сутане, с неподвижными серыми глазами и крайне неприятным взглядом, в котором сквозило презрение и высокомерие. Епископский сапфир на безымянном пальце правой руки, на груди золотой крест, рядом с которым на простом темном шнурке висел голубой лунный камень в платиновой оправе. Левая щека кардинала, а это, без сомнения, был именно кардинал, была обезображена глубоким шрамом, начинающимся от шеи и задевающим глаз. Ранение, вероятно, было нанесено ножом и довольно давно.

Шрам, обезобразивший щеку, и злобные серые глаза Его Преосвященства вызывали не почтение, присущее его сану, а скорее страх и презрение к изображенному на бумаге священнику. Если бы не лунный камень на шее кардинала, губернатору потребовалось бы значительно больше времени для опознания.

«Это мой талисман – хранитель, и я с ним никогда не расстаюсь», – давний диалог всплыл в памяти губернатора, и он уже с уверенностью заявил:

– Это дон Хуан де ла Фуэнте. Но позволь спросить тебя, какое он имеет отношение к убийству и зачем ему это, он достаточно богат и знатен, примас Новой Испании, почти что Папа.

– Он да! А его сын? Целибат для кардиналов никто не отменял. Внебрачный сын, от любимой женщины, которого нужно ввести в общество, продвинуть на самый верх, передать богатства, не привлекая внимания, – возразил Герд, отодвинув последний лист в сторону и снова взяв в руки три первых. Расположив портрет Аларда Ведера вверху, а портреты его матери и дона Хуана снизу, друг возле друга – он получил что-то вроде треугольника, в вершинах которого находились портреты.

– Ну что скажешь теперь?

Губернатор внимательно сравнивал портреты, расположенные в вершинах треугольника. То, что Алард и женщина, изображенная на портрете, похожи друг на друга, не вызывало сомнений, сходство было несомненно, а при чем здесь дон Хуан? Сходство, конечно, было, но не очевидное.

Однако что-то все-таки было, несомненно было. Разгадка витала в воздухе, не даваясь в руки. Племянник смотрел на мучения любимого родственника, однако на помощь прийти не спешил.

Габриэль поднял глаза на племянника, явно ища подсказки:

– А если заглянуть к ним в душу – в глаза?! – последовала подсказка младшего.

А вот здесь в игру вступил несомненный талант неизвестного художника.

«Глаза – зеркало души, душа человека прячется за его взглядом» – эти слова древних мудрецов он и сам повторял не раз.

При внешнем, довольно сомнительном сходстве, выражение глаз, презрительный высокомерный взгляд, хитрость, лживость, жадность легко читались во взгляде обоих, и это удалось блестяще передать художнику на портретах. Взгляды – души, на портретах оказались настолько похожи, что вопрос об несомненном кровном родстве Аларда и дона Хуана отпал сам собой.

«Они одна семья, включая доктора», – дядя и племянник смотрели друг на друга, слова не потребовались, они все поняли без них.

– Так, Герд, давай разберемся! – губернатор встал и нервно прошелся по кабинету. – Алард Ведер и женщина... кстати, как ее имя?

– Катрин Ведер, она же его мать и уже давно вдова – муж умер вскоре после женитьбы.

– Упал грудью на кинжал пару раз?! Шучу!

– Примерно так и было, – не без иронии ответил Герд.

– Хорошо! Я допускаю, что Катрин и ее отец могли бы убить Артура, когда он был ранен и лежал в постели, но организовать поединок, нанять ассасинов, убить исполнителя, подбросить улики в дом и, наконец, организовать само нападение на меня – это, прости, было им явно не под силу.

– Им, конечно, не под силу, – даже не споря согласился Герд, – а вот дону Хуану вполне под силу, с его-то деньгами и возможностями, но без Катрин и ее отца-доктора он бы ничего сделать не смог – у него не было возможности проникнуть в дом. Подкупить прислугу и качать информацию, конечно, можно было бы, но рискованно, кто-то мог бы и проговориться. А так получалось, что и доктор, и Катрин уже были вхожи в дом – им доверяли. Оставалось только, объединившись с доном Хуаном, разработать сценарий убийства, причем, хочу заметить, двой-

ного убийства. Затем, действуя смело и решительно, осуществить задуманное. Если принять эту версию за истину, то мозаика событий становится цельной, разве нет?

Действительно, предложенная версия объясняла многое, но:

– А змея, как она появилась, и главное – откуда?

– И в самый подходящий момент, так? – насмешливо заметил Герд.

– Да, так. У тебя есть объяснение? – губернатор просто не мог не задать вопрос, который мучил и грыз его столько лет. Он уже отчаялся получить на него ответ, а тут появилась возможность узнать – грех было бы не воспользоваться. Вот он и задал его.

Годы скрупулезного труда, поиск материала, анализ, раздумья не прошли даром – ответ был готов:

– Есть! Конечно, я попытаюсь все объяснить. Только прошу тебя, вспомни, как ты нанес удар той гадине, которая на тебя напала?

– Это не трудно, я все помню, как будто это было вчера. Я ушел с линии атаки вправо и с разворота нанес удар ножом по голове чудовища, сверху вниз.

– В левую часть морды, так?

– Конечно так, а по-другому быть и не могло, ведь я левша.

– А теперь взгляни на этот портрет еще раз, – и Герд придвинул к Габриэлю рисунок дона Хуана с обезображенной шрамом левой щекой.

– погоди, Герд! Ты хочешь сказать, что чудовище, напавшее на меня, и кардинал – одно и то же лицо? Этого не может быть, этого просто быть не мо... же... т! – губернатор был шокирован и не мог поверить в происходящее.

– А если предположить, что это так! Тогда все сходится наилучшим образом! – Герд осознавал, что дядя далеко не глупый человек и понимает, что это лучшее объяснение, но принять это для него было трудно, невероятно трудно.

Отдавая себе отчет в том, что в его версию не верят, и не желая затевать долгий и бесполезный спор, Герд просто отвернулся спиной к изумленному и не пришедшему еще в себя губернатору и достал еще одну папку из своего секретера.

– Выслушай меня внимательно и не перебивай. Хорошо?

Губернатор молча кивнул. Верить в гипотезу племянника не хотелось потому, что все было непонятно, невероятно, неправильно, но если эту гипотезу принять за истину – тогда действительно все сходилось наилучшим образом. Он это тоже хорошо видел и понимал. А потому просто принял предложенный ему тайм-аут и решил послушать, посмотреть, подумать – авось что и прояснится. Он просто сел на стул, положив руки на столешницу, и приготовился слушать.

Племянник не торопясь извлек из папки на свет божий три листа разного размера и качества, один даже был выполнен на пергаменте. Рисунки были сделаны разными людьми и в разное время, это было видно сразу.

Пергамент лег на стол перед губернатором первым. На нем был изображен молодой человек. Рисунок был сделан весьма условно, так что опознать человека по нему было проблематично, но, видимо, такая задача и не ставилась. Губернатор удивленно посмотрел на племянника, требуя от него объяснений, и они последовали:

– Первые сведения о доне Хуане, а тогда его звали просто Хуан, появляются в Мадриде примерно три сотни лет назад. По собранным сведениям, он ничего из себя не представлял – просто молодой священник. Однако будучи человеком, одаренным острым умом, невероятной удачливостью, беспринципностью, он быстро поднимается вверх по лестнице церковной иерархии. Его заметили, приблизили и стали не спеша продвигать. Он не лез вперед, не наживал врагов, всегда старался быть в тени сильных фигур, что было особенно ценно, а вот порученное дело выполнял хорошо, обрастая деньгами и связями.

– Хм... интересно! Дальше! – губернатору по-настоящему становилось интересно, хотя он все еще отказывался верить племяннику, но...

Вторым на стол лег рисунок, выполненный на грубой, пожелтевшей от времени бумаге, он оказался портретом. На нем был изображен уже не молодой, но еще и не старый мужчина – чуть более сорока годов от роду. В фиолетовой сутане с белоснежной колораткой, со всеми регалиями, положенными настоятелю монастыря. На шее священника висел золотой крест и рядом с ним на простом шнурке медальон – лунный камень в неброской оправе.

– Дон Хуан? – последовал изумленный возглас губернатора. Он смотрел на племянника, хлопая глазами.

– Аббат дон Хуан де ла Фуэнте – помощник настоятеля монастыря Сантес Креус в Таррагоне. По свидетельству современников, всячески поддерживал епископа – настоятеля монастыря и помогал во всех его делах. Занимался хозяйственными делами, ведал всеми финансами, фактически распоряжаясь казной монастыря. Был невероятно удачлив – деньги просто липли к его рукам. При нем монастырь богател и расцветал. Ведал всеми вопросами безопасности, раскинув сеть шпионов по всей Испании. Мастер политической интриги, и этим активно пользовался сам епископ и его друзья. С блеском выполнял личные поручения высших иерархов Святой Церкви с одобрения епископа и ему во благо. С недругами был беспощаден. Его ценили за верность и умение дать вовремя полезный совет, а чаще за бескорыстие, готовность выполнять чужую работу и добиваться блестящих результатов, при этом он умудрялся все время оставаться за спиной хозяина, отдавая ему все лавры. Активно продвигался по карьерной лестнице. Его знал сам Папа, и он, по его просьбе, успешно выполнил ряд деликатных поручений.

Сделав небольшую паузу и давая возможность губернатору осознать полученную информацию, Герд счел уместным заметить:

– Портрет, лежащий перед вами, – это копия с картины из личной галереи епископа – настоятеля монастыря Сантес Креус, там же находится и оригинал.

– И когда был написан портрет?

– Примерно двести лет назад, где-то в 1530 году, может чуть позже, но ненамного.

– Герд, ты хочешь сказать, что уважаемому примасу больше двухсот лет?

– Трехсот лет, – поправил дядю племянник.

– Он что, трехжильный?

– Полагаю, что да, – не приняв шуток, твердо заявил Герд. – Более того, я уверен, что он сейчас живет свою последнюю жизнь и ему вскоре придется умереть, при этом передав свои способности кому-то другому.

– Кому? – по произнесенной реплике Герд почувствовал, что плотина неверия прорвана – ему уже верят, и верят безоговорочно.

– Я думаю, что своему сыну – Аларду Ведеру. У меня есть материалы, косвенно подтверждающие это: они постоянно поддерживают связь, думаю, что Алард знает о способностях отца и готовится их принять. И если это произойдет, то к нему в ближайшие лет триста подбраться будет невозможно.

– Извини, Герд, но я думаю, что твоя репутация на острове для тебя не является секретом...

– Вы хотите спросить меня, почему «палач» не уничтожил эту троицу? – взгляд указывал на портреты, лежащие на столе.

– Согласись, у тебя было множество возможностей устроить переселение в лучший мир и Аларду, и его матери с дедушкой в придачу. О кардинале я молчу – это сложно, но, в принципе, это тоже возможно. И еще я что-то не могу взять в толк. Как человек умудрился прожить столько лет и ни у кого не возникло вопросов о причине его поразительного долголетия?

– Если бы я тронул любого из них, то кардинал раскатал бы меня и вас в блин, нашел бы везде и не успокоился, пока лично не полюбовался бы на наши бранные тела. Он – стержень, на котором держится вся конструкция, а за ним стоит вся католическая церковь и не только.

– Что ты имеешь в виду? – голос губернатора изменился, в глазах появился страх и беспокойство.

– Я потерял троих своих людей. Лучших людей. Они только попытались подойти к разгадке долголетия кардинала. Двоих уничтожили сразу, а третьему поломали все, что можно было поломать, и вежливо так попросили передать: «Если кто-то еще захочет что-то узнать, то его ждет примерно то же или даже хуже».

– Люди кардинала?

– Нет, кардинал даже не знал об этом. Другие. За доном Хуаном стоит группа или организация, а может секта – я не знаю, но они на самом ВЕРХУ. И монархи, президенты, да и сам Папа Римский тут ни при чем, ЭТИ – выше, за ними власть и сила, деньги для них никакой роли не играют – так, мусор под ногами. На земле они всемогущи.

– А на небе? – вопрос был неуместен, и Габриэль задал его явно из-за отчаяния. Однако Герд счел вопрос уместным и ответил на него, правда, не без иронии в голосе:

– Вот туда бы я их всех и переселил – будь на то моя воля, а лучше значительно ниже, где вонь, смрад и смолу варят.

– Остается море, – пробормотал губернатор, не особенно вдумываясь в свои слова.

– Его будет охранять эскадра военных кораблей. Они встретят «Санта Терезу» на рейде Сан-Хуана в Пуэрто-Рико.

– А до Пуэрто-Рико из Картахены он будет следовать один? Так?!

«А ведь это шанс», – слов не потребовалось. Они поняли друг друга без слов – это действительно был шанс, и судьба наконец улыбнулась им. Но фортуна непостоянна, как и любая женщина.

– Действуй, Герд. Только будь осторожен, мы в любом случае должны не пострадать и остаться в стороне, а лучше, если о нас никто не будет знать.

Губернатор понимал, что вот сейчас, в этот самый миг, он поставил «на кон» свою жизнь и жизнь единственного близкого ему человека. И Герд это понял и «ставку» принял.

* * *

Ранним утром, когда солнце, только-только выскочив из пучины океана, начинало свой ежедневный бег по небосклону, на горизонте появились две точки, которые ближе к полудню превратились в два великолепных трехмачтовых корабля голландской постройки.

Двадцатипушечные флейты «Святая Анна» и «Святой Петр», подойдя к порту Вилленстад, находящемуся на южной стороне Кюрасао, отсалютовали двумя холостыми выстрелами из кормовых пушек, тем самым предупредив о своем прибытии. После этого, убрав паруса и бросив якорь, легли в дрейф. Ожидание представителя администрации порта и представителя Вест-Индской компании растянулось до вечера.

Наступила ночь. И только утром, часам к девяти следующего дня, к борту «Святой Анны» подошла шлюпка с тремя чиновниками, представляющими портовую администрацию, и представителем компании, хозяйки обоих судов. Поднявшись на борт, прибывшие чиновники были встречены лично капитанами обоих кораблей. Обменявшись приветствиями, как и положено согласно давно заведенной традиции, гости вместе с капитанами поднялись на полуют в каюту капитана «Святой Анны» Эрика Эверса.

В каюте на широком столе, сделанном целиком из красного дуба, уже были приготовлены все необходимые к проверке документы на груз. Ничего нового в прибытии на борт корабля и работе портовых чиновников не было, и поэтому жизнь на обоих флейтах шла обычным

порядком. Ничто не предвещало беды, да и что могло случиться, если к вечеру чиновники, усевшись в свою шлюпку, отправились восвояси с довольными улыбками на рожках и основательно потяжелевшими кошельками, да и сундучок из красного дерева, заботливо запертый на изящный навесной замок, был вынесен из каюты капитана и осторожно спущен на дно чиновничьей шлюпки. Все как всегда и ничего нового.

Утро следующего дня началось с кошмара. Не успели пробить восемь склянок и смениться вахта, как на причал в месте швартовки судов прибыло два десятка солдат под командованием молодого лейтенанта. Прибывшие разделились и уже через четверть часа, отодвинув в сторону матросов, заступивших на вахту, и не обращая внимания на возмущенные крики вахтенного офицера, расположились на шкафуте и шканцах обоих судов. К тому же они были вооружены и настроены решительно. Появление капитанов не изменило ровным счетом ничего.

Команду на обоих судах вместе с капитаном и офицерами согнали вниз на шкафут, где они орала и возмущались столько, сколько им было угодно. Расположившиеся на шканцах солдаты молчали, повинуюсь лишь команде лейтенанта, держа ружья на изготовку.

Среди всеобщего гвалта и ругани хлестко прозвучали два выстрела, и двое особо нахальных маримана, попытавшиеся переть буром на «баранов с ружьями», уже громко орала, держась за филейную часть тела, пробитую пулей. Обстановка с каждой минутой накалялась и могла перерасти в нешуточную драку.

На причал тем временем прибыл одноконный кэб черного цвета. Из него не спеша вышел мужчина среднего роста, примерно тридцати лет, в дорогом темно-коричневом кафтане. Золотое шитье и позументы, которыми был расшит костюмчик, кюлоты серого цвета и башмаки с большими золотыми пряжками говорили сами за себя. А еще взгляд – холодный взгляд голодной гадюки, от которого дрожь пробирала любого, кто имел несчастье общаться с «палачом» – Гердом Нортонном, начальником службы безопасности острова.

Его прибытие охладило горячие головы матросов. О «палаче» были наслышаны все, и попасть к нему на душевную беседу желающих было мало – по причине неизвестности результата такой встречи. Можно было бы и вообще не выйти из городской управы или повиснуть на базарной площади. Убедительную причину скоропостижной кончины посетителя в департаменте, ведающем вопросами безопасности, всегда могли сыскать, и если этого пока не случилось, то это не ваша заслуга.

– Прошу капитанов подойти ко мне, – голос «палача» оказался не настолько громким, чтобы заглушить возмущенные крики обеих команд, но его слышали все, так как с его прибытием на причале воцарилась тишина. – И без оружия.

Капитанам пришлось выполнять требование главного «цербера» острова – спорить и нарываться на неприятности никто не хотел.

– Я же попросил сдать все оружие, – Герд стоял перед капитанами на широко расставленных ногах, готовый к немедленному отпору, если таковой последует. – И ножи тоже. Или мне приказать вас обыскать, господа?

– Да это так, перышко подточить, – наглая улыбка светилась на физиономии Ника Янсена – капитана «Святого Петра», когда он не спеша достал из-за широкого пояса небольшой нож и, ухмыляясь, нагло смотрел на Герда.

Верзила под два метра ростом, без двух передних зубов, выбитых в абордажных схватках, не боялся никого и ничего на свете. Прогибаться перед этой «сухопутной крысой» он не собирался и при необходимости мог бы проредить ему зубы или поломать пару ребер. Ехидная улыбка играла на тонких губах, говоря о решимости капитана выполнить задуманное. Нож небрежно лежал в его ладони, готовый в любой момент пощекотать печеньку супротивника.

Резкий и неожиданный удар по его мужским причиндалам, произведенный мастерски, практически без замаха, свалил верзилу с ног. А нож, который был выхвачен из руки Янсена и приставлен к его горлу, поверг Ника в шок и сбил спесь сразу и навсегда.

– Он тебе не понадобится, – прошипел Герд. – Тебе какое ухо не жалко? Левое или правое?

– С... сука! – шипел капитан, корчась от боли.

– Значит правое, – решил «палач», делая глубокий надрез на половину лезвия ножа. Кровь брызнула из раны.

– Нет! – заорал Ник.

– Тогда оба в карету, и не советую шутить. Вздерну здесь же, на виду у всех.

– А в чем наша вина, можно поинтересоваться? – подал голос Эрик, капитан «Святой Анны».

– Можно, капитан Эверс, – уже спокойным тоном продолжил Герд, – контрабанда и пиратство. Подробности в городской управе в моем кабинете. Это вас устраивает?

– Но не далее как вчера мы... – одного взгляда на «палача» хватило, чтобы забыть обо всем и замолчать.

– Те господа, которым вы с господином Янсенем заплатили за осмотр вашего корыта, уже дали показания и ждут вас в уютном сыром подвале вместе с крысами, обитающими там же. Я вас очень скоро познакомлю с ним поближе. Впрочем, завтра поутру их повесят на площади.

– Нас что, тоже повесят?

– Думаю, что да. От нас, господа, к сожалению, требуют действий. Сами понимаете, отчетность, проверки – обычная рутина. Думаю, вы все правильно поймете и обиды держать не будете. Просто вы оба выступите в роли библейского козла, если вас это утешит. А сейчас прошу в карету, и не дергайтесь, я вас душевно прошу. Пока прошу, – улыбка была натянута на рожу негодяя, глаза же по-прежнему оставались холодными и неподвижными, как у змеюки.

Тихо матерясь, оба капитана погрузились в карету, и под конвоем четырех конных стражников она двинулась в путь.

* * *

В кабинет «палача» их втолкнули сразу обоих.

– Подождите за дверью, – распорядился Герд Нортон, и солдаты вышли.

– Сесть не предлагаю, сами понимаете, впрочем, это уже формальность. За последний год вами ограблено три испанских галеона только в акватории Карибского моря, еще один на переходе через океан. Испанцы в ярости. Грязно работаете, господа хорошие. Вот объясните мне, зачем вы оставляете свидетелей? Вы что думаете, что они не нажалуются на вас своим хозяевам? Ошибаетесь! Вот, – Герд бросил на стол пачку исписанных листов, – они все подробно описали, и ваши корабли, и вас самих, и даже ваши имена, и имена ваших офицеров. Вы прикурки оба, круглые идиоты!

Герд, грозно сдвинув брови, продолжил негромко, но от того не менее зловеще:

– Продолжим! Контрабанда чая, рабов, пошла различной крепости, я не беру другие мелочи. Это все обошлось казне в полмиллиона песо, и только за последний год. Вы что думали, что это все вам просто так сойдет с рук?

– Сэр, мы...

– Меня не интересуют твои объяснения, Эверс, – Герд оборвал капитана. – Ты думал, что если исправно платишь процент с прибыли, то тебе все позволено? Ошибаешься! Твой длинный язык и треп твоей команды в портовых кабаках и борделях будет стоить вам обоим жизни. Прости, но я обязан выполнить приказ и передать лично вас и часть вашей команды испанцам, а они уже решат, как с вами поступить. Я думаю, что они подробно расспросят вас

о всех ваших сбережениях, вытряхнут все, можете в этом не сомневаться, а потом поджарят на костре или посадят на кол. Так что, я думаю, будет лучше, если вы все добровольно отдадите нам, а потом отправитесь в лучший мир или преисподнюю, это кому как повезет – это будет трудно, но я все устрою, не волнуйся, умрете быстро и почти безболезненно.

Надо сказать, что перспектива скорой гибели не впечатлила капитанов, расстаться с деньгами им тоже не хотелось, но и умирать не хотелось еще больше.

– А может, мы могли бы как-то договориться?

– Интересно как?

– Ну... я не знаю, предложите варианты, и мы это обсудим.

– Джентльмены, меня больше всего устроит вариант, если вы добровольно передадите мне все ваши деньги, и мне не придется вырывать из ваших обугленных тушек сведения о месте их нахождения. А потом вы просто погибнете в момент передачи вас испанцам.

– У нас с собой денег нет! – решительно заявили оба, но как-то неубедительно это звучало, особенно если учесть бледность на лицах и бегающие глазки обоих жлобов.

– Понятно, ну что же – значит, не договорились. Жаль!

«Палач», взяв в руки небольшой серебряный колокольчик, лежащий на краю стола, позвонил. В комнату не спеша вошел громила гигантского роста с обезображенным оспой лицом, но с добрыми наивными глазами живодера-любителя. Его сопровождала парочка таких же «добряков».

– Майк, прошу тебя, душевно расспроси этих двух джентльменов, можно ногами по оргазмам или точильным камнем по зубам. Я хочу знать, куда они подевали свои деньги. Только не торопись, у меня много времени, и я не люблю запаха горелого мяса, ты же знаешь. Я зайду к тебе вечером.

Верзила глянул на капитанов взглядом наивного ребенка, которому дали новую игрушку, и заржал так, что от ужаса волосы зашевелились у обоих, и обоих прошиб холодный липкий пот.

«Он не шутит и вытряхнет все до последнего песа, но при этом еще и изувечит», – эта нехитрая мысль была написана на физиономиях обоих капитанов большими печатными буквами.

Когда обоих волокли к двери, они взвыли:

– Сэр, не нужно, мы все отдадим, прошу вас! Все! Все!

– Остановитесь! Майк, брось эту падаль и подожди за дверью, – Герд остановил подручных. Дождавшись, когда за ними закроется дверь, продолжил, уже обращаясь к капитанам:

– Через три дня пятьдесят тысяч песо привезете сюда! И не вздумайте шутить – все равно найду, и тогда живо окажитесь у испанцев, вы меня знаете. А теперь пошли вон!

* * *

Картахена – жемчужина Карибского моря. Будучи основанным в 1533 году испанским командором Педро де Эредиа, он был назван в честь испанской Картахены. Этот «легендарный Карфаген» Нового Света вскоре превратился в основной порт Испании на Карибском море. Отсюда отправлялись в метрополию «серебряные галеоны».

Город периодически грабили, начиная с сэра Джона Хокинса, которому не повезло поживиться богатствами «Эльдорадо Испании», до барона де Пуанти, которому повезло значительно больше.

Долго гостить в городе барон не пожелал и, прихватив с собой восемь миллионов ливров золотом и серебром, бриллианты, драгоценные камни, пушки и медные колокола, убрался восвояси.

Город требовал восстановления, и вновь назначенный генерал-губернатор Картахены, бесстрашный испанский адмирал дон Антонио Мальдонадо де Техеда, сменивший аристократа Франсиско де Мурга, рьяно принялся за дело.

На этот раз ему пришлось «грабить» не англичан, а свое собственное правительство в далекой Испании для восстановления бастионов, крепостей, причалов, да и сам город частично был сожжен французами и лежал в руинах. Король и правительство в метрополии, конечно же, были информированы об этих самоуправствах бравого адмирала, но смотрели снисходительно: «Для дела старается, а что и о своем кармане радеет – так это дело житейское, к тому же адмиралы ведь тоже смертны».

Для надзора и контроля со стороны короля и католической церкви был послан кардинал-архиепископ в ранге примаса Нового Света дон Хуан де ла Фуэнте.

Кардинал и адмирал быстро нашли общий язык – денег было много, и выгоднее было «хапать» в свой карман, чем гадить в чужой. Впрочем, эти издержки были неискоренимы, и на них смотрели философски: «Спасая город от грабежей чужих, приходится немного грабить своих».

Как бы там ни было, но совместными усилиями адмирала и архиепископа город был восстановлен и стал подлинной жемчужиной Нового Света. Оба «героя» мечтали о возвращении в «родные пенаты», о чем и были направлены прошения королю Испании и Папе.

Картахена, как и любой портовый город, была прибежищем моряков и торговцев, воря и бандитов тут тоже было предостаточно. Так что появление в полночь на узкой улочке Сан Хуана де Диоса, что расположилась рядом с собором Сан-Педро, одинокого субъекта особого удивления вызвать не могло – публичный дом был рядышком со святым местом, а моряки были завсегдаи такого рода заведений.

В том, что это моряк, сомнений не было – одежда и походка исключала всякие сомнения, да и какому нормальному человеку в такое время захочется рискнуть своим кошельком, равно как и жизнью.

Ну вот, кажется, мы накаркали. Из темноты парка Санта Терезы вышли трое и направились к мариману, который, увидев приближающихся мужчин, остановился. Конечно, раздевать мужчину посреди улицы неприлично, а потому грамотно взятый в «коробочку» морячок был препровожден в темноту вековых дубов.

Доставив «объект» в требуемое место, троица исчезла так же быстро и стремительно, как и появилась. Но в том, что они где-то рядом, можно было не сомневаться.

– Мануэль! Подойди сюда и перестань дрожать, нас охраняют, – раздался голос из темноты. – Живее, у нас мало времени.

Моряк шагнул в тень и, увидев раскрытую дверь кареты, забрался внутрь. Разглядев напротив себя «шефа», с облегчением вздохнул:

– Фух! А я уже немного струхнул!

– Ну да. Такие волкодавы, как ты, троих придавят и не заметят. Как идет подготовка к переходу?

– По моим сведениям, еще не прибыло все золото из Мексики. А вот деньги кардинала и губернатора уже на борту, под охраной. Думаю, что через пару недель уходим.

– Куда?

– Курс на Пуэрто-Рико.

– Прокладывать курс будешь ты?

– Или я, или капитан, но думаю, что я.

– Если этим займется капитан, ты не возражай, а если с ним что-то случится, то тогда прокладывать уже придется тебе, и это будет не просьба, а приказ самого адмирала, с которым вы вместе окаянствовали на морях против англичан. Он тебя помнит и верит, этим мы и воспользуемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.